

Михаил Лоскутов
ДЕД-БОРОДОЕД

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2018

МИХАИЛ
ЛОСКУТОВ

ДЕД
БОРОДОЕД

Приключенческие и
фантастические рассказы

небосклоне.

Маляр Данила окунул большую кисть в синюю краску и стал замазывать бледные ноги божьей матери. Кругом стоял вечер, и темнота ложилась в дальних углах.

— Нет! — сказал профессор Гиршк, спускаясь по лестнице.
— Я не люблю политики. Я люблю созвездие Козерога и планету Сатурн со всеми его кольцами. И, вообще, дела земли мне нужны только для того, чтобы отдаваться изучению неба. Вы простите, что я — астроном...

— Пожалуйста! — ответил Андрей Желоб. — Это не порок. Но я думаю, профессор, что специальность не может мешать общественным интересам. Вы — астроном, а я — бывший переплетчик...

Мимо прошел маляр, унося синие ведерко, и два человека остановились, чтобы посмотреть на стену, пахнущую свежей краской. На одном карнизе во всю стену, тянулась надпись славянскими буквами: «Храм мой храмом молитвы наречется». А

на другой белело: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация». Большой зал являл собою странную картину. Перед высокими и очень узкими готическими окнами стояли ряды скамеек. Потолок, где находился очевидно купол, был заколочен балками и досками.

Маляр подошел и сказал Желобу, закручивая цыгарку:

— Один апостол Петр остался. Завтра, товарищ завклуб, замажу последние божественные лозунги. Церкви, смотри, и не узнать будет. А я... — здесь у Данилы выпала цыгарка из рук, и он изумленно взглянул на дальнюю колонну. — Это — чертовщина, извиняюсь... Со святым Варнавой...

Маляр смущенно ткнул рукой в стену, откуда смотрела строгая и седая голова святого. Ноги-же и туловище священной фигуры были замазаны густой краской. Маляр указал на голову:

— Святой Варнава!..

— Ну, и что-же тут удивительного?!

— Я его вчера закрасил... Вчера только. А он опять появился... Может быть, такая охра ерундовская пошла нынче. Сошла.

И Данила, пожав плечами, подтащил к стене ведро с краской и вновь вооружился кистью.

— Кстати! — сказал Желоб, хватая профессора за рукав. — Странный случай с Варнавой напомнил мне то, что я обнаружил среди монастырского бараходла..., Пойдемте в мою келью, я вам покажу.

Откуда-то снизу, из узких и сводчатых коридоров, часы прохрипели двенадцать раз.

— И вот, вы не чувствуете, — произнес Желоб, наклоняясь над своим маленьким столиком, — как это странно... и великолепно! Две сотни лет здесь, в этих помещениях, и кривых коридорах, хрюпят, быть может, эти-же самые часы. Только какая

разница! Тогда здесь торчал монастырь, а теперь в эту обитель мы всаживаем университет. Век назад в этой дыре царил мрак и совершались преступления...

— Все это так, но покажите вашу находку! — ответил профессор.

Комнаташка была похожа на внутренность старой кареты. А на ее деревянных стенах лежала пыль, и по низкому потолку пробегали трещины.

— Какой-то из длиннополых владельцев этой клетки, — произнес Желоб, открывая сундук, — не думал, наверное, оставить в наследство члену компартии и старому кавалеристу эту штуку...

Желоб вытащил груду пыльных предметов. Здесь была деревянная икона, пузыrek с жидкостью, кусочек дерева и исписанная и рассыпающаяся тетрадь.

— Вот. Очень любопытная вещь. Биография святого и его монастыря.

На обложке было четко выведено: «Жизнеописание пресвятого старца и мученика Варнавы и история его монастыря. От лета 1684 г.».

— Здесь описывается, как святой бездельник жил на этом месте в пещере, кушал яблоки и носил железные вериги в качестве одежды. Потом исчез. Его сподвижники умирали здесь от поста и лишений. А здесь построен монастырь, Варнавский Скит, как его здесь называют, и в этом храме умерло четыре монаха за грехи и невыполнение обетов... Это там, где мы университетский клуб устраиваем, — кивнул головой Андрей. — Да! И будто их греческие души долго выли под куполом. То есть, на месте вашей астрономической и метеорологической обсерватории. Может быть, вы закурите, профессор?.. Бедные души...

— Нет, спасибо. Я курю только собственный табак. Привычка.

В это время внизу что-то упало, и стук гулко разнесся, отдавшись вверх. Профессор взглянул на дверь.

—Должно быть, маляр. Хотя он давно ушел, и сейчас полвторого. Тысяча чертей и тридцать три дивизии!.. Наверное, плохо поставил лестницу... Да, а Варнава, будто-бы, скрылся только юридически, посещая все время и, конечно, по ночам, монастырские коридоры, звеня цепями.

Желоб прервал рассказ и закупил папиросу в то время, когда за окном, на далеких крышах и, вместе с тем, где-то близко, раздался шум. Профессор и Андрей вздрогнули и посмотрели за окно. Там расстилалась груда крыш пристроек и келий, лепившихся друг к другу, и возвышался купол собора. Все это было облито лунным светом. И было тихо.

Профессор рассеяно взглянул на Желоба и привычным жестом запустил руку в седую бороду.

— Э-э-э... Странно, очень странно! — произнес он.

— Что странно?

— Что мы занимаемся пустяками, а ведь мне нужно быть сегодня в обсерватории. — Профессор встал. — Простите. Нет, я не курю готовых папирос. Такая привычка.

Но в эту ночь ему не пришлось заниматься в обсерватории. Монастырь, построенный на костях монахов, сыграл с профессором первую странную штуку.

Утром в двери просунулся встревоженный маляр и сообщил, что он вчера вторично замазал изображение Варнавы, но сегодня святой опять появился. И что ему, маляру, все равно, если и святой даже каждый день будет появляться, и что он, маляр, даже больше заработает на этом. Но у стенки валяется, как труп, старый профессор, раскинув руки по полу монастырской церкви.

II. Многозначительная галоша.

Он не был трупом.
Его привели в себя и он
сел, тяжело дыша.

— Когда я проходил,
что-то, понимаете, упало на
меня сверху... Или кинул кто
этот кусок карниза. Но, скорее
всего, упало.

Профессора увезли. Здесь
взгляд Желоба упал на
предмет, одиноко чернеющий
на полу. Это была галоша.

Завклуб поднял ее.

— Кому она могла
принадлежать? Из наших —
никому. А профессор говорит
«упало». Странно!

Андрей Желоб двигался
по залу и по коридорам,
закинув руки за спину,
со смутным
чувством
того,
что

У стенки валяется, как труп, старый профессор...

в монастыре как бы присутствует кто-то, чьи намерения странны и непонятны. Что, может быть, кто-то сейчас ходит впереди его, между потемневших картин и старых стен или стоит за колонной, тихо и неведомо. Желоб поднял огарок свечи, валявшийся у стены:

— Ведь, вот, может быть, это «им» или «ими» брошено здесь. Из нас никто не носит здесь свеч. Но какой это дьявол? Какой это дьявол? — повторил он вслух, плонул — и эхо отдалось у потолка.

В ответ из-за стенки бывшего иконостаса ему послышался тихий и придушенный звук, как бы старческий, ехидный смех. Завклубом остановился.

— Тридцать три дивизии... и тысяча чертей! Или я сплю...

Он прыгнул на подмостки. Там, за стенкой, было пусто. Потом за следующим углом стукнула рама. Желоб произнес:

— Эй! Если здесь кто-нибудь есть, так довольно торчать. Выходи! Затем для эха добавил:

— О-го-го!..

И пошел спать.

Его разбудили в восемь часов вечера, сказав, что пришло заседание. Молодые студенты сидели на скамьях перед выкрашенным алтарем и наполняли зал разговорами:

— Товарищи! — сказал чернобородый тов. Валицкий с трибуны. — Через неделю начнутся занятия, а после завтра намечается в этом помещении открытие клуба.

Эхо отдалось над потолком. Желоб вспомнил галошу. Валицкий поднял руку.

— Товарищи...

Здесь сразу потухло электричество. Докладчик умолк. Кто-то свистнул и сказал, что перегорела пробка.

Желоб пошел наверх выяснять. Прошло пять минут, пока он вернулся со свечей в руках. Все посмотрели на него, ожидая ответа. Желоб покачал головой и подошел к Валицкому:

— Слушай! Пусть лучше разойдутся. В темноте не стоит заседать. Я... я, видишь-ли, не знаю, что может произойти...

— В чем дело? Что такое?

— Ничего! Тут хуже, чем пробка. Кто-то срезал провод. А ты останься, и пусть еще кто-нибудь из ребят, хотя бы Грин.

И он вскочил на скамейку рядом с колыхавшейся свечей.

— Товарищи! Кто-то уже пытается сорвать нашу работу. Мы сейчас разойдемся. Но мы отобъем охоту у тех, кто практикует эти штуки! Да!..

Он сказал это громко, через головы, как бы для того, чтобы услышал кто-то, находящийся в темноте.

Валицкий, веселый и низенький Грин, громадный Фирман и Желоб поднялись в келью и стали рассматривать галошу, иллюстрирующую рассказ завклуба.

— Если храм посещает какой-нибудь святой, то галоша оставлена им. Хотя вряд ли святые носят этот номер галош! — сказал Грин.

— Без шуток, товарищи! Надо попытаться накрыть голубчиков.

Они спустились вниз и сели трое за бывшим престолом, отодвинутым в угол собора, а Грин в другом углу.

— Теперь запасемся терпением и будем смотреть, что произойдет.

— Чувствуйте себя так, будто у вас отрезали языки! — добавил Грин.

Замолчали. Часы пробили одиннадцать. В тишине, через десять минут со стороны Грина послышалось тихое рычание.

— Что это?

— Это моя душа уходит в пятки! — сообщил Грин.

— Прекрати свои шутки, идиот!

Ровно через полчаса, когда у четырех человек отекли ноги, раздался шум где-то сверху. Потом сразу начали падать предметы. Из-за угла, где собраны церковные чаши и подсвечники, они чем-то грудой подбрасывались вверх и падали с грохотом. Затем чья-то рука задымило кадило, и ее звенящая чаша стала качаться в воздухе, как на церковной службе.

Из угла Грина раздалось тихое и еле слышное:

— А-ап-чхи!..

Желоб схватил Валецкого за рукав.

Но кадило продолжало качаться. Потом повторился шум в разных местах, а далекий и глухой голос вдруг затянул что-то церковное. Слова только потом стали различаться, гнусавые и негромкие слова церковной службы:

— И ныне, и присно, и во веки-веков.

— И когда голос, грубо и басисто, протянул «камии-инь!», из-за угла раздалось на весь храм печальным церковным напевом:

Отец благочинный
Пропил тулуп овчинный
И ножик перочинный
У-ди-ви-тель-но!..

И четыре фигуры вскочили с мест.

— Следующий номер программы — крещение Иоанна, или избиение младенцев!..

Кадило упало, и чья-то тень проскользнула в сторону. На нее навалился громадной тушей Фирман, так что затрещали чьи-то кости. Но когда подоспели остальные, Фирман отлетел в сторону, получив удар в живот. Кто-то вскочил на помостки и бросился к

окну. Фирман почти нагнал его и ударили доской. Убегающий вскрикнул дико и выпрыгнул в окно. Фирман бросил в вдогонку доску и плюнул. Потом обернулся и сказал басом:

— Концерт окончен!

У профессора вошло в привычку видеться с Желобом каждый день.

Но так как в этот вечер он не был, то навестил комнату завклуба на другое утро.

— Знаете... э-э-э... Погодка совсем недурная нынче.

И сел на кровать.

— Выйдемте погулять! — сказал Желоб. — Кстати, есть дело.

Когда они обошли монастырь, Желоб наклонился над садовой дорожкой, потом вынул из кармана галошу и примерил по следу, оставленному кем-то в грязи.

— Так и есть. Здесь прошел человек в одной галоше. Он оставил тогда впопыхах вторую.

Они пошли по следу. Он вел их в сторону, к реке, через какой-то большой огород, и потом пропал. В стороне, саженей за двадцать, примостилась будка, а у дверей стоял высокий человек в холщовой рубахе. Профессор с Желобом подошли ближе.

— Вы не здешний, гражданин? Кто вы?

Человек спокойно стоял все в той же позе и только посмотрел злыми глазами на завклуба. Потом ответил:

— Я сторож здесь. А чего?

— Ничего!

И завклубом с профессором зашагали дальше, к реке.

— Какие у него черные и злые глаза! — сказал профессор.

— Ничего! Если даже этот человек, — ответил Желоб, — пытался ограбить монастырь, то пускай. Он больше никогда не

попытается. Кончим с этим. Так вы говорите, не интересуетесь, политикой и социальной борьбой... Тогда давайте, поговорим на другую тему.

Дошли до обрыва небольшой речонки, текущей среди кустов,

— Нет, не интересуюсь! — ответил профессор, отходя поодаль и садясь на пригорок. — Только небом. Вот через полчаса я буду смотреть на луну...

— Ну, это — ваше дело, конечно! — крикнул ему Желоб. — Но вам следует подумать. Все течет, как волны Ниагары! И вы, я думаю, со временем измените свою точку зрения.

Профессор поднялся, чтобы уходить, будучи уже одной ногой на небе.

— А с этим мы покончим, — сказал Андрей, вынимая галошу. — Мы им так отобьем охоту проделывать свои эксперименты, что они больше никогда не сунут носа. Будьте спокойны. И она может успокоиться.

И он швырнулся в воду. Она завертелась в воде, потом окунулась и тихо пошла ко дну.

3. Внеочередное явление в астрономии.

Профессор Гиршк погрузился вместе со своей седой бородой в звездные волны космических движений.

Свет Юпитера не освещает мелких вопросов. И миллионами километров исчисляется расстояние от ближайшей планеты до... клуба «Красный Студент». Впрочем, что за чепуха! Профессор сейчас не хочет заниматься этим.

Через час лунный свет и мертвая тишина окружали всю громаду монастыря святош Варнавы. И. только наверху, над кельями и пристройками, за решетчатым окном купола горел свет. Здесь напряженно согнутая спина профессора говорила о том, что

сейчас дела, происходящие вокруг него, его меньше всего интересуют. Он вооружился малым телескопом и рассматривал луну, только-что поднявшуюся над горизонтом.

В это время где-то внизу часы прохрипели двенадцать -раз. Профессор вспомнил, почему-то ту ночь у завклуба, вздрогнул и оторвался, от телескопа. И почти одновременно ему почудился осторожный стук на крыше. Профессор побежал к окну, но не увидел ничего, кроме пустых крыш, озаряемых ровным лунным светом, и верхушек деревьев, гнущихся от ветра.

Беспокойство было только минутой. Оно рассеялось у телескопа, и профессор скоро все забыл.

Некоторыми астрономами выдвинута теория относительно существования нового потухшего спутника Земли. Он находится ближе, чем луна... Очень интересно получить данные, подтверждающие эту теорию. Сегодня комбинация расположения земли и луны, в соотношении с планетой-иксом, очень благоприятна в звездной карте...

Но профессор опять вздрогнул и вскочил. Потом опять посмотрел в телескоп с волнением, как если-бы он узрел движение на луне. Но он увидел даже не новую планету.

В планетный мир ворвалось нечто, совершенно непредусмотренное небесной картой.

В телескопе вдруг показалось человеческое лицо, с злыми и черными глазами, совсем как у того человека, которого они встретили у сторожки. Этот человек был одет во что-то чернее, развевающееся по ветру.

Профессор Гиршк смотрел в телескоп и не мог оторваться. Тогда странное лицо вдруг исказилось негодованием и показало профессору язык. Потом человек помахал кулаком и скрылся.

Все это было так странно и дико, что в первую минуту профессор единственno, что мог сделать, это — укусить себя за

язык и попытаться оторвать свою бороду. Потом он опять бросился к окну.

— Какое расстроенное воображение! — сказал он ветру.

В это же-мгновение слева, за углом крыши, мелькнуло что-то черное. Старый профессор с решимостью юноши вылез в окошко, к которому была приставлена лестница. По ней он добрался до крыши и добежал до угла, за которым скрылся черный хвост. За углом, по железу, явственно застучали шаги, а за следующим углом опять мелькнуло черное, шаги же остановились. Профессор ринулся дальше, крича в пространство:

— Послушайте!.. Остановитесь. Гражданин... или планета! Кто-бы вы ни были.

Но шаги достучались до следующего поворота и там остановились. Было похоже, будто они нарочно заставляли бежать за собой. Пробежав несколько шагов, профессор увидел, как черное «нечто» нырнуло в люк, ведущий в бывший алтарь — сцену клуба.

— Знайте, что у меня очень твердая натура! — произнес профессор. — Ия добьюсь своего, чего-бы это ни стоило.

С этими словами он спустился на чердак, а оттуда в темную дыру под подмостками, решив, что если убегающий спустился в нее, то, значит, там есть что-либо вроде лестницы. Конечно, вот он и нашупал ее, и уже сделал три шага по лестнице, как она под ним закачалась, и профессор полетел вниз.

Упал он на груду сукон для сцены и, взявши за ушибленную ногу, подошел к выключателю и включил свет.

В зале было совершенно пусто.

Взгляд профессора скользнул по стене, увидел свежее пятно на месте святого Варнавы, потом странную тень из-за колонны, идущую на стену. Она необычно выделялась из других мертвых

теней тем, что медленно наклонялась вперед и ее подобие головы, как-бы падало вниз.

Профессор озадаченный тенью, осторожно зашагал к колонне, не спуская взгляда со стены. Тогда тень стала двигаться вдруг быстрее и обогнув колонну, остановилась на следующей стене. Теперь она напоминала как-бы профиль строгого и бородатого монаха.

Профессор также обогнул колонну и подняв с полу тяжелое кадило, направился к следующей колонне.

Тогда тень поднялась и быстро взметнулась по стене.

4. Пойманная тень.

Тень молчала.

Тогда профессор произнес:

— Довольно играть в прятки. Вылезайте, не бойтесь.

— Конечно, довольно! — ответил грубый голос; Я и не думаю бояться. Сдавайтесь лучше по добру.

И тень двинулась навстречу профессору. Она согнулась и прыгнула вперед. Профессор тоже подвинулся и крикнул:

— Кто вы, и зачем вы здесь?

Тень подняла руку.

— Именем господа бога и всех небесных сил!..

— Уважаемый! — прервал профессор, подняв голову. — На небе ничего нет, кроме планет и звезд разных величин. Есть звезды горящие, а есть потухшие, как, например, звезда Ориентус...

— Чёрт бы вас побрал с вашим Ориентусом! — пробормотал голос недовольно. — Во всяком случае вы мне здорово мешаете каждую ночь, торча под этим куполом.

И тень шагнув, отделилась от колонны.

Высокий монах в черной одежде, с бледным, худым лицом смотрел на профессора, черными и злыми глазами. Ноги монаха были босы, а в руках он держал Тяжелый железный болт. Профессор отскочил и с минуту они смотрели друг на друга. Потом профессор произнес:

— Сперва обойдемся без насилий. Бросьте в сторону это... вещественное доказательство.

Монах смотрел. Он только смотрел, и его глаза горели. Потом он медленно поднял руку и замахнулся болтом. Профессор отскочил за колонну. Болт ударившись в стену, зазвенел по полу. Потом неожиданно босые ноги затопали по полу, и профессор увидел, как монах скользнул в дверь.

— Остановитесь, — крикнул профессор, спеша за противником.

Он побежал за ним, на ходу уговаривая остановиться.

Они вбежали в темный коридор, потом убегающий завернул налево. Профессор знал, что в лабиринте монастырских коридоров — этот переулок имеет только один выход — тот, в который они вошли. Коридор к концу все суживался и превращался в нитеобразный тупик. Потолок спускался ниже, и нужно наконец было стать чуть-ли ни на четвереньки, чтобы продвигаться вперед.

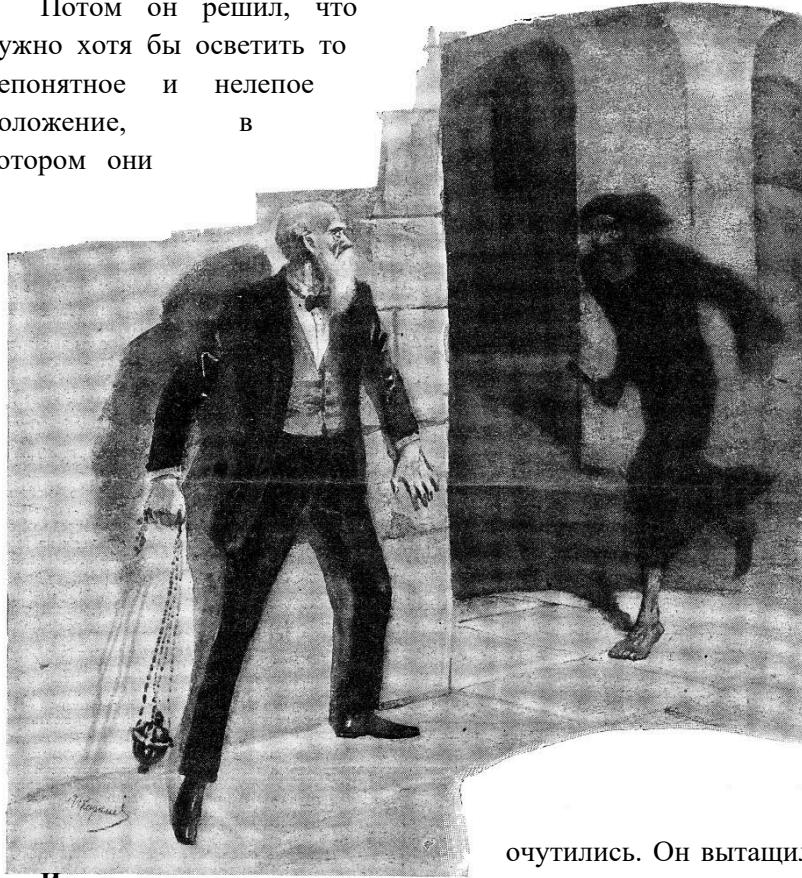
Спереди осторожные шаги стали замедляться.

— Чем это кончится? — подумал профессор. Беглец остановился и замер. Его не было видно, но слышалось его тяжелое дыхание совсем близко, что казалось можно было бы достать его рукой. Профессор тоже сел на кирпичи. Потом грубый и злобный голос прохрипел:

— Ну, можете попробовать убить меня.

— Странно, — ответил профессор — почему я буду вас убивать?!..

Потом он решил, что
нужно хотя бы осветить то
непонятное и нелепое
положение,
в
котором они

**И тень шагнув, отделилась от
колонны.**

очутились. Он вытащил спичку и зажег. За два шага перед собой он увидел злобное лицо.

— Кто вы такой?

— Будто вам не все равно. Я единственный и последний монах Варнавского Скита. Я жил здесь один, когда в этих коридорах гулял только ветер, и жил, когда сюда стал перебираться ваш, этот... университет...

Наступило опять молчание. — Потом профессор приподнялся и произнес, кидая кадило:

— Знаете, мы можем выйти. Если вы монах... Я знаете-ли этим мало интересуюсь... И вообще это не мое дело.

И профессор попятился назад. Монах сидел минуту неподвижно, потом медленно полез к выходу.

Профессор вышел в зал, потом в дверь просунулся монах и недоверчиво посмотрев минуту, вошел.

— Пойдемте ко мне наверх, — предложил профессор, чтобы рассеять молчание. — Это все очень интересно.

Монах вдруг ловко изогнувшись, как кошка, пробежал в сторону и поднял болт.

— Идемте. Но так мне будет безопаснее от вашего вмешательства.

— Так зачем вы все-таки здесь? — спросил профессор, входя в обсерваторию.

— Я решил мстить! Мстить за ваши плакаты, за отца игумена, за все то, что вы разорили! Я карающая рука церкви...

Монах схватил профессора за руку и наклонился к его лицу. Его глаза, глаза фанатика, опять сверкали и злобствовали.

Профессор ходил по комнате, нервно теребя бороду.

— Ну, вряд ли, знаете, вам этот ваш план удался бы... Вам нужно спокойно удалиться, чтобы не мешать другим жить... Никто за вами не пойдет... Так. Ну, а что это за истории, с изображением Варнавы и прочие фокусы, напр., хворост внизу у колонн?

— Хворост? — Извольте — ответил монах язвительно, остановившись у двери. — Что-бы сжечь этот дом. Я решил — раз не нам, то и не им!

Здесь уже вскочил разгорячившийся профессор.

— Сжечь?! Так ведь здесь — университет! Вы — безумец, кашалот...

— Конечно, ругайтесь вволю, если вам хочется, но я не могу иначе...

И они оба зашагали по комнате, один навстречу другому, как два маятника, — профессор — дергач бороду, а монах — заложив руки за спину и шлепая босыми ногами. Они на ходу обменивались фразами.

— Вы пришли разрушать то положение вещей, при котором единственно возможен рост культуры, прогресса... э-э-э... как это говорится... и прочий расцвет.

Вы против нашего университета, который строится на месте вашего...

Профессор взглянул на монаха. Тот ходил, сгорбившись.

Потом профессор остановился и произнес:

— А знаете, — я вам не завидую. Вам остается один худой конец. Если вы тверды в своем мнении, то... э-э-э... вам ничего не остается делать. Вам не удастся провести свой план разрушения. Я уж не знаю, право...

Монах посмотрел внимательно на профессора и молча кивнул головой. Потом он вдруг подошел к окну и, высунув руку, оттолкнул лестницу. Она с шумом упала на железо.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы вы не могли удрать через окно! — ответил монах и вдруг, выпрямившись, схватил болт. Профессор скрылся за телескоп. По другую его сторону стоял монах, подняв руку.

Профессор схватился за ручку колеса, направляющего телескоп, и сделал два оборота. Расчет его оказался верным. Конец длинной рясы монаха закрутился колесом и, прежде, чем тот успел вырваться, профессор выскочил в дверь и повернул ключ в замочной скважине. Изнутри на дверь с силой наваливался монах. Потом послышался стук и голос:

— Послушайте, профессор!.. Чего вы так волнуетесь?!.. Ведь я-же еще подумаю, насчет всего этого...

Внизу профессор увидел Андрея Желоба, идущего навстречу.

— Что, профессор, — спросил тот озадаченно, — открыли новую звезду?

— Нет. Сегодня я открыл кое-что поважнее. Идемте наверх.

Открыв дверь в обсерваторию, они увидели черного человека, висящего наверху. Он повесился на гвозде, под изображением одного святого, — этот последний монах старого монастыря.

ГЛАВА I. Наступление болота.

Дождь, этот страшный и непрерывный дождь, разразился над лесным западным городком еще неделю назад. И вот он шел уже восьмой день, шел и не ослабевал ни на минуту. В эти дни старики — местные старожилы, прислушивались и мрачно качали головами.

— Ой, нехорошо быть сейчас в лесу! — говорили они и вздохнув добавляли: — Да, тяжелые дни, ой какие страшные дни...

А в громадном бесконечном лесу было темно, как в могиле. Старый, темный лес дрожал от потоков воды и доносившихся откуда-то сильных и глухих ударов. Земля была мягкая и будто пропиталась водой насеквоздь, как вата.

В лесу было болото. Оно раскинулось под кустарниками и зарослями и зловеще вздувалось и росло. Достаточна было сделать один неверный шаг по лесной почве, ступить в сторону, и трясина готова была проглотить любого, кто в нее попадет.

Да, нехорошо было в лесу. Но все-таки лес не был совсем мертв и пуст.

Меж деревьями и черными кустами осторожно пробиралась согнутая фигура человека. Человек, слегка прихрамывая,

вынырнул из мрака дерев на прогалинку и оглянулся по сторонам. Потом он устало опустился на ближайший пень.

Лесной путник был одет в длинную шинель, воротник шинели был высоко поднят, с обмокшей фуражки ручьями стекала вода. Человек вынул из-за пазухи папиросу и, осторожно прикрыв руками спичку, закурил, потом быстро стащил левый сапог, снял шинель и рубашку и, разорвав последнюю на длинные полосы, стал обматывать ногу около колена. Забинтовав ее, он опять натянул сапог, накинул шинель и вытащил из кармана револьвер. Посмотрев в барабан и засунув револьвер обратно, человек поднялся и зашагал дальше. Пройдя несколько шагов, он вдруг как бы вспомнив или решив что-то остановился, вынул из кармана пачку бумаг, порвал их на две половины и бросил в кусты.

Если бы прочесть эти бумаги, то стало бы видно, что это документы датированы 19 марта 1920 г. Документы на имя Григория Головина политкома 2-го батальона Н-ского красного полка, одной из дивизий западного фронта.

В то время город среди лесов, город среди болот, был местом жестоких сражений.

— Мудрые старожилы не зря качали головами.

Восьмой день шел непрерывный дождь и восьмой раз городок переходил из рук в руки. В дожде и в свинцовом мраке шли упорные бои. Тысячи сапог месили окрестные дороги, лилась грязная вода и грязь мешалась с кровью.

В эти дни успех не хотел баловать никого. То отступали к западу польско-белогвардейские цепи, то красные части отходили назад к ложбинам и отрогам леса

Так Григорий Головин, политком 2-го батальона отстал от части и потерял своих товарищей. А лес глухо стонал от доносившихся издали орудийных выстрелов. Дождь то переставал идти, то с новой силой падал сверху, с огромных ветвей, с черных

дыр неба. Становилось опасно идти и каждый шаг приходилось делать наощупь. Решив, что он шел в ту сторону, где начинается болото, Головин повернул обратно. Но пройдя метров пятьдесят, сразу вдруг вода и грязь стали расступаться и ноги увязли по колено. Два прыжка в сторону и по щиколотку в воде Головин побрел по другому направлению.

Где был город, в какой стороне стояли красные части и откуда все глушше ухали батареи — было непонятно. В любую минуту можно было выйти к белогвардейским пикетам и тогда немедленный расстрел на месте.

А промокшие сапоги так безжалостно тянут ноги, раненая нога так ужасно ноет и холод начинает просачиваться в кости через промокшую одежду. Выйдя на прогалинку, Головин перевязал рану и потом усталыми, отяженевшими ногами побрел дальше, в мокрую траву, в черные объятия деревьев, нервно выглядывая в темноте двух врагов. Один шел снизу, рос и вздувался болотом, другой хоронился с боков, со всех сторон, в белогвардейских заставах. Но потом второй враг отступил перед первым, болото сразу перешло в наступление, подступало к ногам и стало кругом зловещим кольцом.

Тогда Головин выбрался на возвышенную полянку и бессильно опустился у дерева. Одежда была насквозь мокрая и не хотелось делать ни одного движения. Уже не слышно было дальних глухих ударов. В ушах стоял шум, глаза бессильно смыкались в болезненной дремоте.

А дождь все шел и шел. Казалось, что он уже никогда не прекратится.

ГЛАВА II. Загадочный человек.

Когда Головин проснулся, то сквозь густую сеть веток уже пробивался рассвет, какой-то зеленый и мрачный.

В ногах была ужасная тяжесть, а голова гудела от боли. Дождь уже перестал идти, но видно было, что он шел всю ночь. Кругом стояла вода. Тысячи стволов вырастали из воды и уходили в даль. Стояла тишина, нарушаемая шумом падающей с листвьев воды.

Головин встал и наудачу пошел в ту сторону, где как ему казалось было сушее.

Вода доходила ему до щиколок и временами поднималась до колен. Внезапно, прямо впереди, меж деревьев засветлело. Головин ускорил шаг, вязкая почва вскоре начала подниматься, и впереди стала видна полянка.

Вдруг Головин сразу остановился и, укрывшись за дерево, стал всматриваться вперед... Там стоял дом!

Небольшая деревянная избушка, черная от дождя, стояла на пригорке, рядом с грудой бревен и высокой стеной кустарника.

Головин хотел уже выглянуть на полянку, как увидел там еще нечто, что заставило его остановиться. Там был человек. Человек этот сидел верхом на трубе, выходящей из крыши избушки. курил трубку и, что-то насвистывая, болтал ногами в такт.

Головин остановился в нерешительности, но долго не раздумывал. Выбраться отсюда по всей видимости, невозможно. Голод, жажда и больное тело не позволяют вообще ходить долго. Ждать где-нибудь в лесу, пока высохнет болото, невозможно. Головин нашупал наган и шагнул вперед.

Человек на крыше сразу заметил Головина. Он минуту глядел на него, потом махнул рукой.

— Алло, дружище! Доброе утро! — крикнул он. — Вот чудесно, что решили завернуть к нам в гости, в наш скромный отель. Вы пришли пешком? Ну подходите поближе.

С этими словами человек спрыгнул с крыши на землю. На нем была рубашка без пояса, он был босиком, и в подвернутых до колен штанах.

— Приятная встреча! — продолжал он говорить. — Если вы не вынырнувший утопленник, то мне приходится только удивляться, как это чёрт вас вынес сюда, из мертвого болота!

— Да, действительно, — отвечал Головин, остановившись на некотором расстоянии и продолжая рассматривать незнакомца, — действительно, это не лес, а почти непроходимое болото...

— Почти?!

— и человек расхохотался.

— Не почти, а самое настояще грандиозное болото,

Там стоял дом.

без единой тропки. Я уж эти места знаю, будьте спокойны!..

Сказав это, он тоже окинул Головина пытливым

взглядом, как бы прощупывая его насквозь и пытаясь увидеть — кто он.

Головин нерешительно взглянул на дверь и на собеседника. Глаза их встретились, глаза с опасливыми огоньками. Новый знакомый кинул изысканно-вежливо:

— Пожалуйста заходите... вам надо согреться! — И как бы между прочим добавил: — Я здесь один, места хватит обоим...

И еще тише и небрежней крикнул:

— ... Тем более, что мы можем оказаться друзьями...

Головин быстро взглянул на него и понял, о чем он говорит.

В избушке была маленькая передняя, за ней следовала первая комната, в углу была печь, стояла койка, столик, а стены оклеены потемневшими газетами. Из первой комнатушки дверь вела в другую, меньшую.

— Ну-с, располагайтесь! В вашей одежде по меньшей мере шесть ведер воды, и она втрое тяжелее вас. Вряд ли приятно таскать на себе такую обузу! — и с этими словами обитатель избушки подошел и стал возиться у небольшой печки. Головин, снимая шинель, продолжал украдкой рассматривать говорившего. Полная, небритая физиономия, пожилой возраст и маленькие, глубоко-сидящие глаза. Эти глаза все время оставались испытывающе-подозрительными, даже когда лицо смеялось. От этого контраста лицо казалось точно искусственной маской. И вся фигура с осанистой грудью, засученными штанами и босыми волосатыми ногами,казалось, требовала какой-то блестящей и важной одежды и здесь была не к месту...

— Вы, конечно, голодны. Можно предложить вам наше блестящее меню... — И на столе появилась жестяная тарелка с разведенными консервами и кусок сухого хлеба. Головин проглотил этот обед очень быстро.

— А теперь давайте познакомимся! — И лесной житель встал по-военному: — Николай Игнатьевич Бренер...

Головин быстро вскинул глаза. Кто же, кто он этот человек? Лесной сторож — не может быть Отставший от армии? Красной? Белой? Но человек назвавшийся Бренером добавил, закуривая трубку:

— ... Российский житель. Сердцеед и весельчак по профессии... А теперь докладывайте кто вы, и как сюда вас занесло?

И он быстро вскинул глаза на Головина. И снова тот неприятный огонек в глазах, который так не шел к этому шутливому тону и заставлял настораживаться. Тут Головин еще раз пожалел, что так опрометчиво поспешил войти в хижину. Но потом решил, что у обоих шансы одинаковые. И ответил медленно, смотря по сторонам, как бы между прочим:

— Бродил по лесу, знаете... Житель из этого городка... Ну, дождь... Попал в болото... Чуть не утонул, представьте!

И знал, что никому ничего не объяснил. Но Бренер, как бы вполне удовлетворившись, стал говорить о болоте, лесах и местных певчих птичках.

— Скажите, — спросил Головин, — что это за хижина, и кто в ней жил?

— Здесь раньше велись работы по прокладке дороги и усушке этих чёртовых болот. Здесь складывался инструмент и жили сторожа. С фронтом, понятно, люди плонули на всякие усушки. Вон посмотрите, остались лишь затопленные остатки.

И Головин, действительно увидел тянувшуюся за хижиной насыпь, из которой торчали балки и камни. По обеим сторонам насыпи были проложены канавы с водой.

Когда странный незнакомец вышел из хижины, Головин снял одежду и, развесив ее у печки, начал тщательно рассматривать

помещение. Взгляд его упал на койку; он подошел к ней и приподнял разостланную шинель:

— Да... — пробормотал он... — шинель военного образца. У нас таких как-будто нету. Словно на них не достает погонычиков...

Стал у печки и задумался. В окне виднелась спина Бренера, колившего дрова. Она нагибалась и поднималась в такт ударам топора.

Стемнело. Бренер вошел и зажег маленькую, коптящую лампочку.

— Давайте что ли покушаем от нечего делать, как сказал человек, которого четыре дня не кормили.

За подогретыми консервами вели самый отвлеченный разговор.

— Сейчас опять пойдет дождь, — сообщил Бренер. — Подлая прорва! Она заставит не одну неделю торчать на этих бревнах двух порядочных джентльменов... А вы давно из города? Как же это вы отстали от своих... Наверное при отступлении?..

И Бренер украдкой пытливо взглянул на политкома. Но тот не дал себя на удочку и спокойно отвечал:

— Да, возможно, что как раз кто-то отступал... Но я же был один. Заблудился и... А что, разве было отступление? В какую же сторону вы отступали?

Бренер так же спокойно, затягиваясь трубочкой, ответил:

— Не знаю, право, в какую сторону они отступали. Я ведь был занят своими делами! — и он встал, направляясь к койке. — Так я говорю, что сон, по уверениям докторов, иногда благотворно действует на организм...

ГЛАВА III. Борьба за хижину и мясные консервы.

Головин забрал шинель и прошел во вторую комнатку. Нашупал в темноте койку и лег, укрывшись шинелью. Безжалостно слипались веки и туманилась голова. Тогда вздрагивал, щупал рукой револьвер в кармане и смотрел на дверь

В руке оказался наган.

соседней комнаты. Она была освещена коптилкой и за ней было тихо.

Бороться с дремотой было трудно и иногда она побеждала. Вот опять вздрогнул, очнулся и посмотрел перед собой. И вдруг почувствовал или услышал в воздухе неуловимое что-то. И вспомнив, быстро повернул голову к двери... Там, наклоняясь вперед, стояла темная фигура Бренера. Он смотрел своими маленькими глазами, прямо на Головина, потом увидев, что тот проснулся, быстро шагнул ближе и произнес:

— Довольно валять чёртову бабушку молодой человек. Извольте сообщить, кто вы такой? Или я вынужден буду доставить вам маленькое удовольствие прогуляться прямиком на тот свет...

— Удовольствие, конечно, не из больших... — начал Головин, осматривая внезапного врага и обдумывая положение.

— Ну, поторопитесь с ответом, не извольте протягивать рук к вашим карманчикам и держите их под шинелью. Иначе...

В руке оказался наган, который в следующую же секунду находился у виска политкома.

Головин увидел, что положение требует только одного наиболее верного выхода. Он откинул голову и, изобразив на лице и гнев и безнадежность, произнес:

— Ну что-ж! Стреляйте, вы, красный ихтиозавр... Стреляйте!.. Я не буду просить пощады...

Револьвер дрогнул, глаза Бренера заблестели. Головин смелей и громче продолжал:

— Я умру как честный офицер русской армии!..

Револьвер исчез в кармане. Протянутая рука дрожала в крепком пожатии.

— Дайте вашу честную мужественную руку! Простите старого вояку... Откуда, простите... Капитан? Какого? 118-го?! Итак, — Бренер вытянулся во фронт и крепко сомкнул лоснящиеся

кальсоны, — честь имею представиться: поручик бывших царской и добровольческой армий — Николай Игнатьевич Бренер. Преклоняю свои седины перед вами, господин капитан! А пока вам нужно выспаться. До завтра в общем. Адью!..

В безмолвной тиши и с роем мыслей, сидел новоиспеченный капитан, решая план действий. Прождав часа два, Головин тихо встал и направился к двери. Здесь он вынул из кармана наган и выглянулся в соседнюю комнату. Светит коптилка, но койки не видать. Нужно обогнуть печку. Головин шагнул вперед шаг, два шага. Угол печки. За печкой койка. Но койка... пуста! Где поручик? Головин круто обернулся назад. Там, у стены за дверью, стоял Бренер. Это была секунда. Бренер скрестил руки и улыбался холодной, злой улыбкой. В следующую он выстрелил. Пуля попала в какую-то чашку, та упала с полки на стол. Лампочка закачалась, перевернулась, потухла.

— Ты думал, что я на все сто тебе сразу поверил?! Негодяй!..

Опять выстрел. Головин у наружной двери выстрелил по направлению голоса и, рванув дверь, выскочил наружу. Обогнув дом, он услышал за собой шаги погони. В четыре прыжка он очутился за домом, перепрыгнув канаву, вскочил на насыпь и, спрыгнув с другой стороны, остановился за ее прикрытием. Сам стрелять он не мог. Там у дверей избушки был выбит тот единственный патрон, который оставался в нагане!

А со стороны дома раздался сперва еще один выстрел, потом проклятье, звонкий стук брошенного на камни металла и бегущие шаги. Затем шаги у насыпи, тяжелое дыхание и еще партия проклятий.

Но никто не ругается долго с молчаливой темнотой. Бренер ушел к дому.

Головин пошел медленно вдоль насыпи к опушке леса. Присев под деревом на груду щебня, предался размышлениям. Он

выгнан! Да, он вынужден был позорно отступить. Но борьба еще не кончена. Однако, какая странная и нелепая получается история.

Хочется растянуться... Вдруг Головин в воспоминаниях о последних минутах натолкнулся на одну вещь... Звон о камни. Бренер выстрелил и бросил револьвер. Неужели и у него вышли все патроны?! Надо проверить. Но завтра Бренер вспомнит про наган, а потому нужно это сделать теперь же.

Головин пошел к избушке. Здесь он долго и тихо исследовал руками землю, время от времени прислушиваясь. Вот камни... Вот он! Поднял револьвер, побежал к лесу, сел на прежнее место и зажег спичку. Так и есть. Все патроны в тагане выбиты. Головин забрался в кусты, по возможности поглубже, и прилег, пытаясь не спать.

Так кончился первый день на лесной поляне.

Весь следующий день Головин бродил вокруг поляны, прячась за деревья и не спуская глаз с хижины. Там было тихо. Только два раза плотная фигура человека выходила оттуда. И то не отходила далеко, а возилась около бревен.

К ночи, Головин голодный и измученный решился на отчаянные действия.

Он подошел к избушке с той стороны, где не было окон, осторожно толкнул дверь. Она была на запоре.

Тогда, среди щеп под бревнами, он нашел смолянистую палку и здесь вспомнил о том, про что забыли оба врага. У бревен лежал топор. В руках было единственное теперь опасное оружие! Подошел к окну второй комнаты и осторожно отогнул топором гвозди, которыми держалась слабая, наспех деланная рама. Приподнял ее с нижнего края и приложил ухо к отверстию. Внутри, из другой комнаты, слышалось громкое дыхание спящего человека. Вырвать раму и вскочить внутрь было делом одной минуты. Очутившись в комнате, зажег спичку и поднес к

смолянистой щепке. Та вспыхнула и осветила стоящего в дверях Бренера. Головин прыгнул и взмахнул топором, но тот отскочил в первую комнату. Щелкнула задвижка и босой поручик уже выбегал на двор. Он успел только бросить камнем в дверь и исчез за кустами. Головин, видя убегающего поручика, закрыл дверь, стал посреди комнаты и весело крикнул:

— Боевой приказ выполнен, местность очищена от золотопогонников!

Вставил выбитую раму, потом лег на койку, положив около себя свой боевой трофеи — тяжелый топор и закурив старую трубку господина поручика.

ГЛАВА IV. Белый флаг.

Герои поменялись местами и весь следующий день поручик бродил вокруг поляны, босиком и по холоду, громко чихая и кашляя.

Однако, противник в следующую ночь пришел с более усовершенствованным орудием. Он принес длинную палку, которая могла разить на большем расстоянии, нежели топор. Поручик обладал к тому же всеми преимуществами знания топографии и особенностей данной местности, что и не замедлило вскоре сказаться.

В эту ночь Головин проснулся от легкого и непонятного шороха. Зажег свет, осмотрел окна и стал укреплять дверной запор, но кинутый в голову камень его оглушил на мгновение и в тот же миг, сзади, с потолка спрыгнул человек. Головин схватил топор, но поручик нанес по лицу два удара длинной и увесистой палкой. Головину удалось все же пробиться к двери и, размахивая

топором, одной рукой отодвинуть засов, отступить за пределы хижины.

Бренер праздновал победу.

Он проник в дом через дырявый потолок и крышу, в которой, как ему было известно, две доски приподнимались. Его расчет на неожиданность нападения сполна оправдался.

Теперь для Головина настала очередь голодать. Бренер же, по обыкновению, ожидал нападения только ночью. И вот Головин подкрался к нему из-за стены дома днем, когда тот вышел за щепками.

Обух топора внушительно прошелся по его спине и летел еще за ним шесть метров по направлению к лесу.

Избушка еще раз сменила своего хозяина.

Ночью Головин не спал, но ночь прошла тихо и спокойно. Утром же он увидел вдали длинную палку, воткнутую в кучу хвороста и щебня; на палке болтался белый флаг, а ниже был пришпилен кусок бумаги. Головин решил, что это какая-либо пакостная ловушка со

стороны бродячего поручика и не подошел к белому флагу. Но лежа на койке в этот день он много думал о том, что дальнейшая борьба за хижину с вечно изменяющим успехом бессмысленна, безнадежна и подтачивает силы.

С потолка спрыгнул человек.

Головин запер накрепко все окна и дверь и начал осматриваться. В углу на ложе, среди котелков и чашек, он обнаружил ящик с несколькими кусками сухого прессованного хлеба и немного соли. Но где-то должен же быть тот источник, откуда брались консервы. И он был найден. Около печки в полу был люк, который вел в маленький погребок. Вместе с мусором и разными коробками там нашелся, наконец, ящик с мясными консервами.

Головин вылез, закрыл подполье и лег на койку. Лежал и думал. Вдруг раздался знакомый шорох. Теперь было уже ясно, что он идет сверху. Головин быстро зажег лампочку и, схватив топор, стал следить за большим отверстием в потолке. Но удара оттуда не последовало, а через некоторое время в отверстии показалось бледное лицо Бренера, а затем послышался и его голос:

— Слушайте, Головин! Бросьте топор. Я не думаю нападать, а пришел с предложением. Выслушайте мои доводы.

— Выкладывайте! — ответил Головин. — Возможно, что ваши соображения будут взвешены и обсуждены...

— Бросьте этот тон! — крикнул голос сверху. — Имейте в виду, что у нас силы равные. Избушка, если мы, конечно, не придем к соглашению, — будет переходить из рук в руки. Надеюсь, вы понимаете меня. Для нас обоих в этом мало толку. Почетный мир.

— Гарантии? — спросил Головин.

— Гарантиями будет то, что мы проведем совместное разоружение. И так, подумайте до завтра. А сейчас бросьте мне кусок хлеба с солью. Так. Мерси. Завтра, в случае согласия, выходите к белому флагу на открытую полянку... Спокойной ночи!

На другой день у белого флага, сделанного из кальсон поручика, мир был заключен и условия были приняты! обеими воюющими сторонами.

Вечером сидели у коптящей лампочки и играли в шашки, вырезанные из коры деревьев. Поручик рассказал несколько веселых историй, после чего легли на свои койки в разных комнатах. Но ни один не спал и каждый чутко прислушивался к соседней комнате. Бренер не выдержал первым. Он встал и подошел к двери:

— Послушайте. Давайте договоримся!.. Дверь закрывать... С обеих сторон...

Головин понял. Они тщательно закрыли и подперли дверь, каждый с своей стороны. Через несколько минут мерный храп, раздававшийся в обеих комнатах, говорил о тяжелой усталости нескольких бессонных ночей.

Утром лесная поляна проснулась мирной маленькой республикой.

— Головин! Полезем на наш наблюдательный пункт! — предложил Бренер. — Наш небоскреб находится на возвышенном месте и с него окрестности видны не хуже, чем с собора Петра и Павла в Риме.

И действительно, с крыши хижины была видна поверхность леса, расположившегося в ложбине и за ним зеленые холмы поля. Затем обследовали окраины поляны и измеряли глубину воды: болото пока и не думало отступать. Головин сделал ножом пометку на стволе дерева, чтобы судить потом об уровне воды.

Жизнь (налаживалась. В свободные минуты рассказывали друг другу анекдоты и играли в шашки, но затрагивать щекотливые темы опасались. Были выработаны взаимные обязанности. Головин взял на себя распределение продовольственных запасов, а Бренер ведал общественными

печами и приготовлением пищи. На долю политкома выпало еще сохранение чистоты и коммунального благоустройства, равно как метеорологические и геофизические наблюдения за дождем и болотом. Хворост и другие виды топлива поставлялись коллективно.

Это случилось через три дня после заключения мира и на десятый день жизни в лесном доме среди болот.

ГЛАВА V. С ножом в кармане.

Бренер посмотрел на Головина и его глазки сверкнули. Потом он вынул трубку, набил ее табаком и задумчиво произнес:

— Что-то там теперь?.. Где жизнь! Люди, газеты, новости! Может быть фронт уже отодвинулся далеко-далеко... К Москве...

— К Варшаве! — поправил Головин.

У Бренера вспыхнули глаза.

— Уж не думаете ли вы, что Красная армия победит?!

— Именно это я и думаю, даже уверен.

— Глупо. Да, что мне говорить с большевистским прихвостнем! Разве можно честному человеку иметь вообще какое-либо дело с таким человеком, как вы?!

— Да и я не говорил бы с вами! Будь у меня возможность, то расстрелял бы вас у первого дерева, господин поручик.

— Чёрта с два!

— Посмотрим!

— Посмотрим!

Кричали до хрипоты и легли спать обозленные. Утром Бренер язвительно усмехнулся и пробормотал:

— Победили... Как-же!..

Головин тоже усмехнулся.

— Чего вы, ваше благородье, так изволите сиять. Может телеграммки получили... О победе христолюбивого воинства?!.. А?..

Вместо ответа поручик в одних кальсонах демонстративно зашагал по комнате и, размахивая руками, запел по-мальчишески:

Смелю-о мы в бой пойдем,
Заа-а Русь святую!..

Потом вскочил на стол. Голос у него был сиплый и пронзительный. Белые кальсоны сползли вниз с полного живота и раздувались от ветра из двери.

Головин плонул и вышел. Он дошел до болота и посмотрел на зарубку; вода изрядно спала.

На двенадцатый день пребывания в лесном доме Головин заметил некоторые странности в поведении поручика.

Когда политком, нагнувшись, вытаскивал из-под бревен смолянистую щепку, то услышал сзади тихий шорох. Он быстро обернулся и увидел поручика, держащего в руках толстую палку. Бренер бросил палку и произнес, глядя в сторону:

— Как вы думаете — эта палка вряд ли будет гореть в печке?

— Да, — ответил Головин, пристально взглянув на поручика — я тоже думаю, что она не загорится...

Вечером полез в погребок и вытащил все запасы для подсчета. Увы! Надвигался явный кризис продовольствия. Оставалось две банки консервов, три куска хлеба и полпачки махорки. Эти запасы были вскоре уничтожены. Оставалось полбанки консервов, которую два жителя лесной поляны бережно делили, и оба думали о вредных дармоedaх, нуждающихся лишь в стенке. В стенке и порции свинца.

ГЛАВА VI. Глаза смерти.

Бренер стоит на крыше избушки, стоит и смотрит поверх леса, на ложбину; чего-то ждет. Он знает, что лес в той стороне уже просох, болото отступило. Там могут ходить люди! И оттуда длинным и голодным днем слышится какой-то шум.

Старый поручик первым увидел людей. Люди прошли по ложбине всего в каких-нибудь ста метрах от избушки. Это шли солдаты. Бренер радостно засмеялся и напряг свои глаза. Какие это солдаты? Если красные... Нет. На серых шинелях красными точками мелькнули погоны. Бренер раскрыл рот. Если он крикнет посильней, то его услышат... Но вдруг сзади раздался спокойный голос Головина:

— Спокойно, Бренер! Прежде чем вы раскроете рот, вот эта дубина размозжит вам голову!

Бренер не мог повернуться назад на узкой крыше. Он быстро нагнулся и спрыгнул на землю. Вернулся в дом и уже не выходил до вечера. Но когда пришел Головин, то увидел, что последнего кусочка хлеба и консервов завтрашней порции на двоих уже нету. Головин посмотрел на Бренера. Тот вызывающе молча усмехнулся.

Так потянулись длинные дни. Дни голода и вражды, тягучие и томительные, как кошмарная болезнь.

Беспрерывно жгло и мучило внутри, слабела и кружилась голова. Два человека по ночам не опали и упорно и молча выслеживали друг друга. По утрам Головин находил еще силы дотащиться до тех зарубок, которые говорили о медленном и ежедневном отступлении болотного кольца. Бренер же совсем не

вставал с койки. Он только беспрерывно курил трубку, набитую остатками табаку и листьев.

К вечеру подул сильный и холодный ветер. За окнами стало темно и мрачно. Ветер в лесу выл протяжно и жутко, врывался во все щели избушки, шуршал крышей и задувал слабый свет коптилки. В темное стекло окошка застучал редкий дождик, точно барабаня по окну холодными пальцами. Два человека молча наливали из котелка пустой кипяток, вливали его в пустые и стянувшиеся кишки и старались не смотреть друг на друга. Две громадные тени на стене быстро и пугливо качались.

— Головин... — вдруг произнес Бренер, — вы верите в бога?

И он пытливо уставился на Головина. Лицо его было странное и глаза блестели.

— Странный вопрос! — пожал плечами Головин. — Конечно, нет.

— А вы думаете погибнуть?..

— Я это сумею сделать как с богом, так и без него. С одинаковым успехом.

— Головин! Я хочу сказать, что вы можете сегодня прочесть молитву...

Головин вопросительно посмотрел на говорившего. Тот встал, и его большая дикая тень закачалась в такт новому, свистящему порыву ветра. Бренер сказал коротко:

— Я вас сегодня убью.

И, еще раз посмотрев на Головина, повернулся к своей койке.

— Не будьте самонадеянны! — кинул Головин и направился в свою комнату. Слабые ноги покачнулись, и Головин схватился за косяк двери. Прикрыл дверь, стал задвигать деревянные засовы и подпорки.

— Что, думаете отгородиться запорами?! — раздался голос Бренера. И потом вдруг захотел, дико и громко. Головин вздрогнул.

Дотащившись до кровати, тяжело повалился на нее. Стал немедленно засыпать. В соседней комнате послышался шорох. Головин привстал и начал прислушиваться. Все стихло. Потом опять заснул. И через некоторое время снова проснулся. Все было тихо кругом, только ветер выл и стонал за окном, кидая капли дождя. Вдруг рядом в комнате раздались шаги.

Они четко и прямо, направлялись к двери. Потом громкие и сильные удары кулака в дверь потрясли тишину.

Головин вскочил и бросился к двери. Подпорка отпала и засов расшатывался. Непрерывные удары в дверь продолжались с возрастающей силой. Дверь треснула. Головин налег га нее телом. Но в следующую минуту он вместе с сорвавшейся с петель дверью был отброшен назад.

Дикий, растрепанный Бренер держал в руках большую дубину. Головин схватил с земли тяжелую подпорку и отскочил в сторону. Но дубина успела опуститься на его голову. В глазах заискрилось, но удержался на ногах, сделал прыжок и, схватив маленький столик, кинул его под ноги бегущему Бренеру. Тот споткнулся и упал. Тяжелая подпорка три раза ударила его по спине и голове, но в следующее мгновенье он был уже на ногах и новый удар заставил Головина покачнуться. Еще раз собрал все силы и ударил подпоркой по дубине Бренера. Дерево хрустнуло и дубина, отлетев в сторону, упала на пол.

Тогда озверевший Бренер бросился с голыми кулаками. Палка била его по рукам и лицу, но он лез, наваливался всей своей тушей. Ослабевший Головин попытался увернуться в сторону, но крепкая рука схватила его за горло. Захрипел и в глазах сразу потемнело.

Связанный по рукам и ногам веревкой, видел над собой искаженное лицо Бренера.

— Смотрите, Головин! — хрипел поручик. — Я могу вас сейчас разрезать на куски, сжарить на огне, вырвать язык и на лбу вырезать красную звезду... Красноармейскую!.. — здесь Бренер замолчал на минутку и показал на дрожащее от ветра окошко. — Вы слышите, скребутся мертвецы. Пришли оттуда с болота. Они поют вам похоронную песню.

И вдруг он опять громко и дико захохотал.

— Что он, — подумал Головин, — в самом деле сошел с ума или шутит?

Тогда Бренер схватил его за веревку, связывающую его локти за спиной, и потащил. Головин ударился лбом о порог хижины. Через мокрую полянку, к лесу. Остановился. Желтая луна выглянула из-за туч и осветила двух людей на пригорке. Один стоял над другим. Бренер говорил быстрым срывающимся голосом:

— Слушайте! Там на юге, в Киеве, у меня были два дома... Сад с персиками... И брат-полковник, Алеша. Его расстреляли ваши... И вот теперь, с какой радостью, с каким наслаждением я убью вас, как одного из этой банды... О, эта хамская поднявшаяся мразь... Я это сделаю за всех.

Он дотащил Головина до болота. Вода уже далеко отступила и пришлося долго тащить по лесу.

Вода по колено. По пояс. Бренер отпустил связанного и толкнул его. И дико-торжествующе замахав руками, зашагал к полянке...

Погрузившись вхолодную воду,

Головин очнулся совершенно. Он, сделав громадное усилие, поднял голову над водой и, упервшись изо всей силы ногами о жидкую землю, оттолкнулся назад, к дереву.

Оперся спиной о ствол и опять впал в забытье.

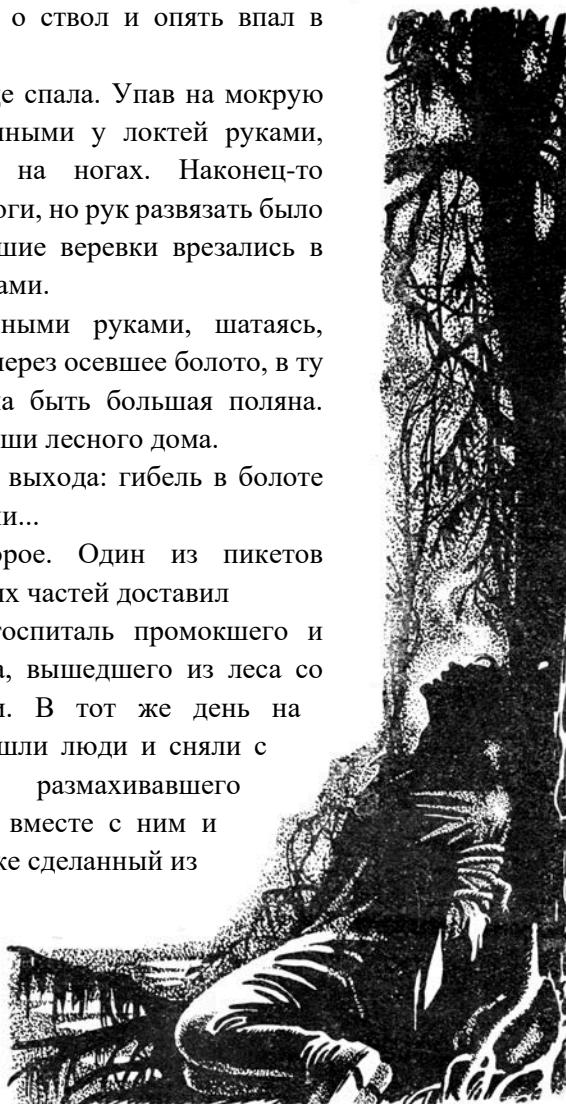
К утру вода еще спала. Упав на мокрую землю, стал, связанными у локтей руками, доставать веревки на ногах. Наконец-то удалось распутать ноги, но рук развязать было невозможно. Набухшие веревки врезались в тело железными узлами.

Так со связанными руками, шатаясь, пошел в гущу леса, через осевшее болото, в ту сторону, где должна быть большая поляна. Они видели ее с крыши лесного дома.

Было лишь два выхода: гибель в болоте или встреча с людьми...

Случилось второе. Один из пикетов наступавших красных частей доставил

в бригадный госпиталь промокшего и больного политкома, вышедшего из леса со связанными руками. В тот же день на лесную поляну пришли люди и сняли с крыши избушки размахивавшего руками человека, а вместе с ним и болтавшийся на палке сделанный из лоскутков бело-сине-красный флаг.

Оперся спиной о ствол и опять впал в забытье.

ДЕД БОРОДОЕД

Утром Дед вышел на крыльце. Он посмотрел направо и налево, вверх и вниз. Все было в порядке. Дед снял шапку.

— Честь-почтение всему этому миру, пташкам, таракашкам и всем прочим животным созданиям, — крикнул он, — от старого мужика Анисима, но прозванию Бородоед, из колхоза «Трудовые дни», белогрудского сельсовета, Малдасского района, Боровское почтовое отделение! Ура!..

Солнце светилось на его лысине, как на лесной поляне.

Он прислушался. Где-то шевелились пташки, таракашки, галки та крыше.

— Ура! — оказал дед еще раз. потом накрыл голову и зашагал по деревне. Дед очень стар и опирается на палку. Однако палку таскает он для пущей важности: она скорее только задерживает его движение, без палки ноги его побежали бы, наверное, сами собой

невесть куда. Всюду им необходимо поспеть, всюду есть очень важные дела.

Дед подошел к ремонтному колхозному сараю. Там починяли конную молотилку.

— Работаете? — опросил дед.

— Работаем, дед Бородоед, — сказали ему дружно.

Имя было у деда: Аниксим Григорьевич. Была у него и фамилия, но никто ее не знает, и звали его все Бородоедом.

Дед посмотрел несколько минут и так, и этак. Потом обошел молотилку со всех сторон.

— Молотилка? — опросил он.

— Молотилка, Аниксим Григорьевич, — отвечали ему.

— Ну, работайте. А я пойду.

По улице тетка Голованиха вела корову к ветеринару. Дед остановил ее и внимательно осмотрел.

— Корова? — спросил он.

— Корова, дедушка Бородоед.

Дед ощупал корове живот, голову.

— Гм... да, корова... Рога? — сказал он.

— Рога, Аниксим Григорьевич.

— Да, я вижу. Действительно, они, коровы, всегда такие.

— А как же им еще быть? Они всегда одинаковы.

— У нас будут теперь коровы иного устройства, — строго сказал дед. — Усовершенствованные коровы. Вот какие... У нее что? Насморк, наверно? Ты бы аспирину ей дала.

— Да как будто у коров насморк бывает? Ты уж всегда придумаешь...

— Отчего же не быть? Ты думаешь, раз корова, так простудиться не может?

Дед покачал бородой.

— Тебе Бородоед шутки шутить. А я над коровьим вопросом давно мучаюсь. Да что с тобой говорить!

Дед махнул рукой и зашагал дальше.

В конце села, на площади, стоял шум, возились плотники. Они строили клуб. Дед подошел к клубу и осмотрел его со всех сторон. Он несколько раз вошел и вышел в дверь свежего сруба. Потом он отошел поодаль, зажмурил глаза и сразмаху опять вошел в дверь. Так он сделал несколько раз.

— А она у вас высокая будет? Дверь то? — спросил наконец он плотников.

— А на что она тебе высокая?

— Как на что?! Чтобы, знаешь, всякий мужик мог войти. Потом артисты бывают длинные. Это я такой короткий, а другим, может, сгибаться придется.

— Не придется. Сделаем в аккурат, дедушка Бородоед, будь спокоен, — сказали плотники.

— Ну, смотрите, ребятушки! А то вы не представляете, до чего длинные некоторые мужики бывают, уж это я знаю. Что же им — и в театр не придется ходить?.. — развел дед руками и зашагал к сельсовету и правлению колхоза.

Перед правлением он встретил письмоносца. Тот нее пакеты из города. Дед остановил его.

— Мне там никаких сообщений не поступало? — спросил он.

— Нет, кажется, не имеется, Анисим Григорьевич, — сказал письмоносец, надевая очки и просматривая пакеты.

Собственно, можно их было и не просматривать, так как для Бородоеда там писем нет и никогда не было, да и ни от кого не может быть.

— Достойно удивления! — сказал, однако, дед, — что-то долго не пишут. Должно, делами заняты. Пускай... Велисапеда еще не дали?

— Какого велосипеда, Анисим Григорьевич?

— Должны в скорости дать. В Америке вон, каждый письмоносец на велисапеде ходит. По крайности на осле ездит. Но нам, пожалуй, ослы несподручны. У нас климат не подходящий для осла. И потом он кричит — не дай бог, беспокойное животное.

Дед поднялся на крыльце сельсовета и оглянулся. Письмоносец уже шагал далеко по улице.

— Ну, прощай, милый человек! — крикнул ему дед. — Так ты смотри, чтобы тебе осла не давали, ни за что! Пусть машину лучше дают...

В канцелярии сельсовета сидел Флор Саввич Куличев, человек необыкновенной и трудно постигаемой профессии. Он колхозный счетовод. Ловкость его и знание непонятных слов потрясают старика Анисима. Дед здороваются, молча садится в сторонке и наблюдает таинственные и важные дела счетовода.

Потом он покашлял в кулак. Потом приблизился к столу, снова покашлял.

— Я, Флор Саввич, известно вам, человек международный, — наконец сказал он. — Ежели я не знаю все мировые новости, у меня начинается болезнь... Ты уж расскажи, будь добр, как ты человек при власти...

— Какие же новости, Анисим Григорьевич? — спросил счетовод, откидываясь на стуле. — Из заграничных газет еще не было. А из внутренних — вот машину получили. Бумажка из банка пришла насчет животной отчетности. Каждая коровоединица должна строго по новой форме теперь идти...

— Коровоединица? — тихо ахнул дед. — Ух, ты!..

— Да-а... Тут, знаете, чтобы все по форме было. В день, может, сколько дел разобрать и определить нужно! Дело ответственное. А вот, говорят, еще проведут телефон, так совсем и не то будет.

— Неужто телефон? — ахнул дед.

— Конечно.

— Ух ты!.. И звонить, значит, будет?

— Ну ясно, не без этого. Чуть что, прямо: «Др-р-р-р. Позовите счетовода». «Др-р-р. Алло. Говорят с вами из города...»

Дед зажмурил глаза. Посидев немного так, он покачал головою и вышел на улицу.

— Др-р-р-р. Алло...—сказал он, качая головой. — Ах ты...

Однако нужно приступать к своим обязанностям. Собственно, числится дед Бородоед полевым сторожем, но до того, как идти сменить Фому Егорыча, еще очень много дел. Время горячее, в тысячу мест поспеть надо.

Дед надел шапку и зашагал дальше. Где-то блеяли овцы, ржали кони, стучали топоры. Старуха Голованиха опять вела корову.

— Корова? — остановился дед. — Коровоединица?.. Ну да, я уже смотрел.

Он зашагал дальше. По дороге прыгали галки. Лежал чей-то лапоть. Дед поднял лапоть и пошел дальше. Через дорогу шла старуха.

— Др-р-р-р. Алло! — крикнул ей дед. — Не твой лапоть? Чего лапти на дороге бросать? Если все будем лапти бросать, так и дорогу запрудим, ездить нельзя будет.

— Отстань, старый бес! — сказала старуха.

Дед прислушался к ее голосу и вдруг заинтересовался .

— Постой-ка, постой, — сказал он. — Ну-ка скажи «Анисим». Так, рот открой... Я думаю, не определить ли тебя в кружок хоровой. Голос у тебя подходящий. Клуб у нас строят, кружок пора уже теперь готовить. А то когда успеешь?..

— Тыфу! — плюнула старуха и отвернулась.

— Постой! — закричал ей опять дед. — А ты разве не знаешь, что телефон нам проводят! Уже столбы привезли. Проволоку подбирают.

— Ну-к что ж. Значит, нужно.

— Как что ж! — дед всплеснул руками.

Но старуха уже отвернулась и пошла дальше.

Дед сердито сплюнул и зашагал к инвентарному сараю. Он заглянул в сарай, но там никого не оказалось.

Наконец, на краю деревни он увидел Фому Егорыча. Неспеша он шел ему навстречу.

— Анисиму Григорьевичу! Сдаю дежурство в полной справности. Приятного аппетита, — сказал он и зевнул.

— Подожди, подожди, Фома, — сказал ему дед. — Тут у меня есть один важнейший вопрос. Как ты думаешь по-научному, чем телефон работает? А?

— Телефон? А бог его знает. Так и работает, — сказал Фома и опять зевнул.

— А ты знаешь что... — начал дед, но тот уже зашагал прочь.

Дед махнул рукой и пошел к полю. У крайней избы он остановился и, засунув два пальца в рот, свистнул. Прислушался и еще раз свистнул. Тут со двора вышли мальчик Федя и лохматый пес по имени Граммофон. Это были помощники деда.

Дед осмотрел их строго и сказал:

— Все в справности? В полном комплекте, значит? Ну, пошли!

И они зашагали все разом размашистым и серьезным шагом.

— Первым делом место для столбов определить надо, — сказал дед. — Вот, пожалуй, тут за огородом надо ставить столбы. Вот этак задами провести, а потом к сельсовету — лучший путь.

— Какие столбы, дед?

— Как какие? Телефонные, ясно! Не подберешь сам места порядочного, так они еще понаставят абы где. Столб ставить нужно с толком...

Феде не нужно было долго объяснять, он понимал деда с полуслова. Они остановились на минутку, осмотрели место для столбов, размерили его глазом и пошли к полю.

— А столбы какие, дед? — спросил только Федя. — Как ты считаешь? Деревянные?

Дед задумался и почесал бороду.

— Лучше бы всего железные, конечно. Потому деревянный столб и коза может обгладать, некрасиво...

— Да и ребята ножичком исчекрыжат. Верно?

— Известно... Только железа, пожалуй, много пойдет.

— Да, много, конечно, — согласился Федя.

— Придется пока деревянные. Можно краской выкрасить.

Есть хорошие краски, оно еще ярче получится, если красной взять.

— А если желтой, дед?

Они согласились на красной и желтой краске в полоску и вышли в поле. В поле стояли картошка, гречиха, капуста. Начинала наливаться рожь. Все надо было обойти, осмотреть со всех сторон. Тут они придумали особенный план, но которому можно все обойти коротким путем и везде побывать. Они разбились поодиночке. Собака Граммофон бежала то за дедом, то за Федей, как когда ей фантазия придет, но сошлись они все вместе на пригорке, у старого клена. Тут у них штабквартира — шалаш и котел на треножнике. Отсюда видно кругом полмира.

— В скорости попрошу еще, чтобы мне подзорную трубу купили, — сказал дед. — Есть отличные трубы, капитанские. Отсюда даже счетовод Фрол Саввич в сельсовете будет виден. Без трубы никак нельзя.

— Ну, а поговорить-то в нее—ведь все равно не услышит? —
сказал Федя.

— А, ты, малый, голова сизая! — лукаво щурится дед. — А телефон на что?!

— Неужто сюда тоже телефон пойдет? — изумился Федя.

— Ну ясно! Без этого никак нельзя. Колхозный сторож без телефона, как без рук. Мы его вот сюда, на клен повесим. Чуть что: «Д-р-р. Алло, Фрол Саввич! Как там в Германии, никаких телеграмм не получилось?»

Тут оба они замолчали. Федя мечтательно посмотрел на клен и задумался.

— Ну, ладно, Федор Евстигнеич Копейкин, — сказал дед. — Некогда. Давай начинать, что там у нас имеется?

Федя полез в сумку и вытащил замусоленную бумажку, исчирканную карандашом, банку с kleem, краски и кисти.

— Краска для деревьев. Звонок и ошейник для Граммофона, — сказал он, отмечая карандашом. — Это у нас уже было. Насчет тумбочек, скамеек и колокольни с фонарем.

— Да, так вот, — сказал дед и разгладил бороду. — Заседание объявляем открытым. Граммофон, ложись, не ерзай. Тут, дорогие мои, на повестке весь вопрос получается в устройстве жизни. Жизнь, она вся кверх ногами была построена, оттого многое неудобств для человека. Теперь все быстро не вспомнишь — везде что-нибудь нужно, куда ни глянь.

Дед погладил бороду. Федя и Граммофон смотрели на деда.

— Вот, скажем, человек должен ходить по дороге без всяких приспособлений. И смотреть ему по сторонам не хочется. И сесть даже не на что. На землю не всегда сядешь, если грязь. И потом, может быть, у него новые штаны. Без штанов не будешь из-за этого ходить. Вот он идет и идет, без перерыва. А если у него к тому же нога натерта, мозоль? Нужно отдохнуть. Предлагаю сделать

скамеек на дорогах. Пусть люди на здоровье сидят. Потам каждому прохожему знать хочется, чей овес или что там за деревня. Нужно надписи везде понадписать: «Овес колхоза «Трудовые дни». «Корова колхоза «Трудовые дни». Пусть все знают.

— И да Граммофон? — спросил Федя.

— Верно. И на Граммофоне. И на колокольне большими буквами написать и фонарь повесить. Ночью человек издалека видит, на фонарь топает себе, особенно если человек немножко еще выпивши, никогда не съется... Чего же колокольне без дела фигурировать?

Федя выдвинул было вопрос о перенесении колокольни на место шалаша, чтобы с нее все посевы видеть.

— Нет, пожалуй, с этим переждать придется, — сказал дед подумав. — А вот надписи можешь пока что уж выводить. Мы их тут на клен повесим. «Дед, мол, Бородоед. Главный сторож колхоза «Трудовые дни».

Федя развернул бумагу, обмакнул кисть в краску и, легши на живот, принялся выводить большими буквами: «Собака Граммофон».

— Собака — это, пожалуй, и так будет видно, — сказал дед.
— Неужели подумают, медведь?

— Ну все же, для верности, — сказал Федя.

— Ну ладно. Перейдем к следующим вопросам.

А вопросов было масса; вот, например, коровы названия. Нельзя ли переименовать всех коров, лошадей, собак покрасивее, чем было раньше? Что сделать, чтобы пчелы не кусались больше? Как покрасить здание клуба? Как из колодцев воду таскать быстрее и воду вкуснее сделать? Что получится, ежели колодец сахаром посыпать? Что делать с медведями: оставить их в лесу или изничтожить к свиньям?

— Нет, медведь должен оставаться, — сказал дед подумав. — Без медведя какой лес, без него скучно будет! Это животная красивая.

— Ну не все красивые, — сказал Федя.

Дед почесал в бороде.

— Ну... чахлых там, облупленных можно поубивать, конечно...

— Ну, а за грибами как же ходить? С медведями? — спросил Федя. — Ведь ежели за грибами не ходить, так сколько их разрастется, это и деваться от них некуда будет.

— А за грибами, действительно... — сказал дед. — А медведя жалко. Зубы, что ли, им подпилить? Или к деревьям цепкой привязать, прямо не знаю, как... Да и вообще лес бы совсем другой нужен. В лесу, знаешь, мужику должно быть так, чтобы беспрерывно душа вздыхала, — вот какой колхозный лес должен быть. Тут тебе фикусы растут, тут тебе лимонадом пахнет. Хочешь закурить, — пожалуйста, махорка на блюдечках лежит, первый сорт, Укртютюнтреста. Плевательницы, конечно, по сторонам. Зачем в лесу плевать на пол?.. А посредине всего стоит баня — на сто персон, и в бане гармонист играет. Заходи и парься под музыку. Эх, ты!..

Дед почесал в затылке и посмотрел на дальний лес. Туда же посмотрели и Федя, и собака Граммофон. Все они стали думать о бане с гармонистом.

Федя вдруг приподнялся испуганно.

— Дед! А что, ежели воробы на нее будут садиться, а? Не помешает ли?

— На кого? На баню-то?

— Нет. На проволоку. Разговор будет бежать, а тут воробы на проволоке сидят...

— Гм... Это вопрос, в самом деле. Хорошо, что ты вспомнил, — сказал дед. — Станут по телефону говорить, а разговору нет. Никто и не догадается, что воробы на проволоке... Придется нам с тобой сгонять их. Вот что!

Тем временем подсохла Федина вывеска.

— А, может, салом проволоку смазать... Вот жалко, что у меня мало технического образования, а учиться теперь уже некогда. Это уж тебе придется, Федор Евстигнеич. Ты там запиши про воробьев, ничего, смотри, не забудь, делов такая масса еще, страсть...

Тем временем подсохла федина вывеска «Показательный сторож дед товарищ Бородоед». Федя повесил вывеску на клен, и они легли любоваться ею. Вывеска была красива. Особенно

выделялось слово «Бородоед»: буквы в нем были написаны красным и синим вперемежку. Федя посмотрел еще на это слово, потом на деда.

— Дед, а почему тебя Бородоедом прозвали? — вдруг спросил он.

— Бородоедом? Гм... А это, видишь ли, раньше я бороду свою ел. Жизнь-то какая раньше была, сам знаешь! Я к тяжелой пище непривыкший, а кроме мякины, конечно, не было ничего. Мужик же я дошлый, с фантазией, вот и придумал. Очень просто: солью посолю и кушаю. А борода-то ведь всегда опять отрастает. Так и питался, пока урядник не запретил.

«Что же это, — говорит, — все мужики бородами начнут питаться, землю пахать некому будет...» Конечно, я еще покусывал потихоньку. Ну, тогда мне каждую неделю сантиметром стали бороду мерить для проверки. Тогда бросил. А то, бывало, отхватишь ножницами кусок — и в суп. Ничего, сносно. Хочешь попробовать?..

ВОЗДУШНАЯ СОБАКА

Деревня уже уснула: друг Федя видит восьмой сон, счетовод Флор Саввич не щелкает сметами, куры давно уселись на насест, а дед еще бродит по дорогам: он идет с поля в деревню...

Поговорить дед большой любитель. Да только с кем поговоришь особенно? Фома Егорыч — не разговорщик. С ним слова не свяжешь. Приходит он сторожить поле, на смену Бородоеду, поздно к ночи. Он садится и зевает. Зевает и молчит. Нет, не разговорщик Фома Егорыч.

Дед машет рукой и идет в деревню. Уже темно, — и не души на улице не видать. Последние огни в окнах гаснут. По улице идет какая-то заблудшая коза.

— Ме... — говорит она.

— Вот тебе и ме, — произносит дед.

Он останавливается напротив козы.

— Вот тебе и ме... — говорит он. — Ты кто такая? Коза? Ну и что же ты, думаешь?..

Но коза ничего не думает. Коза удаляется в сторону и исчезает в воротах.

— Ну то-то! — кричит, однако, ей дед вдогонку. — Знаешь, с кем говоришь... с колхозным сторожем.

Дед сворачивает в проулочек. В конце его, возле церкви, светится окошко. Это поповский дом.

Дед некоторое время смотрит на освещенное окошко и, постояв в раздумье, шагает дальше. Потом, останавливается и

опять смотрит назад. Наконец, он возвращается, заходит в сени и толкает дверь.

Поп Серафим сидит, щелкает счетами и разговаривает с попадьей. В темных углах садят древние старушки и о чем-то шепчутся. Сам отец Серафим тощ и глух, как тетерев. Он строго косится на Анисима Бородоеда.

— Гражданину попу, во имя отца и сына и святого духа, — говорит дед и садится тихо в сторонке.

— Ну, пришел чудодей заморский. Как, все еще в колхозниках? — спрашивает поп.

— Да, отец Серафим, еще не вышел, — скромно отвечает дед и вздыхает.

Попадья сердито смотрит на деда и возвращается к своим делам.

— Ну, а ты как? — опрашивает, наконец, дед священника.

— Чего как?

— Все еще попом? Али как?

Поп опять отрывается от счетов и глядит на деда.

— А кем же мне быть, окаянный?!

— Нет, я ничего, — смиренно отвечает дед Бородоед. — Мало ли. Я думал, может, вышел. Дед вынимает махорку.

— Поп теперь, известно, должность неинтересная, — говорит он, сворачивая папироску. — Может, решил чем еще заняться.

— Чем же я должен заниматься, духовное лицо?! На балалайке что ли играть?! — кричит отец Серафим.

Дед подходит к лампе и прикуривает.

— Нет, почему же на балалайке, — говорит он. — Есть другие подходящие профессии: вот вагонным кондуктором, например. Или учителем гимнастики...

Дед садится на место.

— Есть такая хорошая должность еще — в бане контролером, — говорит он. — Вот красота, право, — работы не ахти много, а баня — всегда под боком.

— Может, мне еще волосы остричь, да в колхоз к вам, в трактористы пойти, а?!

— А чего ж не в трактористы. Ты и в самом деле, плонул бы на все это. Что ж бог, бог. Тебе что с ним — кашу варить? Или стал бы ты в хоровом кружке петь. У нас кружок будут составлять... Да, должно быть, кстати, придется церкву под кружок занять. Больно тесно стало...

Поя свирепеет и плюется. Дед умолкает и замывается.

— Хотя тебя, пожалуй, не примут в кружок, отец Серафим. Ты еще в кружке напакостишь чего-нибудь. Человек ты хороший, но все же вражеского классу...

— Не слушай его, отец, — машет рукой попадья.

Они с попом отворачиваются и начинают отучать счетами.

— Я пришел, — говорит дед, узнать одну вещь непонятную. Стали мне сны сниться...

— Какие же сны? косится поп.

— Да всякие... Вот сижу я на высоком столбе. А вокруг меня предметы летают. Да предметы все несуразные: рояль например. Кочан капусты. Газета «Известия ЦИК». А рояль человеческим голосом говорит. «Что же, — я говорю, — рояль, тебе от меня нужно?» А она: «Я, — говорит, хочу тебя хочу вовлечь в общество «Друг детей» ...»

— Дураку и сны дурацкие снятся, — говорит попадья. — Нет, чтобы душевного, чего-нибудь приснилось.

— А то еще ты, матушка, снишься. Рожа у тебя петушиная, и все ты клюнуть меня норовишь...

— Рояль — это к хорошим приметам, — перебивает одна старушка. — Это — приятное видение.

— Да ты скажи: в самом деле, сны, аль придумал? — говорит поп.

— Право, батюшка, не знаю. Я и сам теперь не разберусь: то ли на самом деле, то ли выдумал?..

Попадья плюется. Дед не спеша подымается и уходит.

Идти больше некуда, как домой. В темноте дед разыскивает свою хату и с шумом входит в сени.

Нащупав дверь, он чиркает спичку. Перед ним на полатях спит старуха. Он внимательно рассматривает ее широко раскрытый рот и зажигает еще одну спичку. Но старуха поворачивается к нему спиной и продолжает спать.

Тогда дед снимает сапоги и ложится, всякие необыкновенные мысли лезут ему в голову. Он кряхтит, ворочается, снова зажигает спичку и ложится.

— Др...р, але ... — говорит он вдруг в темноту.

— Ты что? — просыпается старуха.

Дед приподымается.

— Нет, ничего, — говорит он. — Ты не спиши! Телефон, слышь, будут нам ставить. Вот оказия...

— Да спи ты, старый балабола! — кричит старуха и снова поворачивается на другой бок. — Тебе-то что, — ворчит она, уже засыпая. — Твое дело с палкой трех-трек...

«Вот баба какая обыкновенная, — думает старик. — Телефон ее не трогает. Видно, удивительней чего надо».

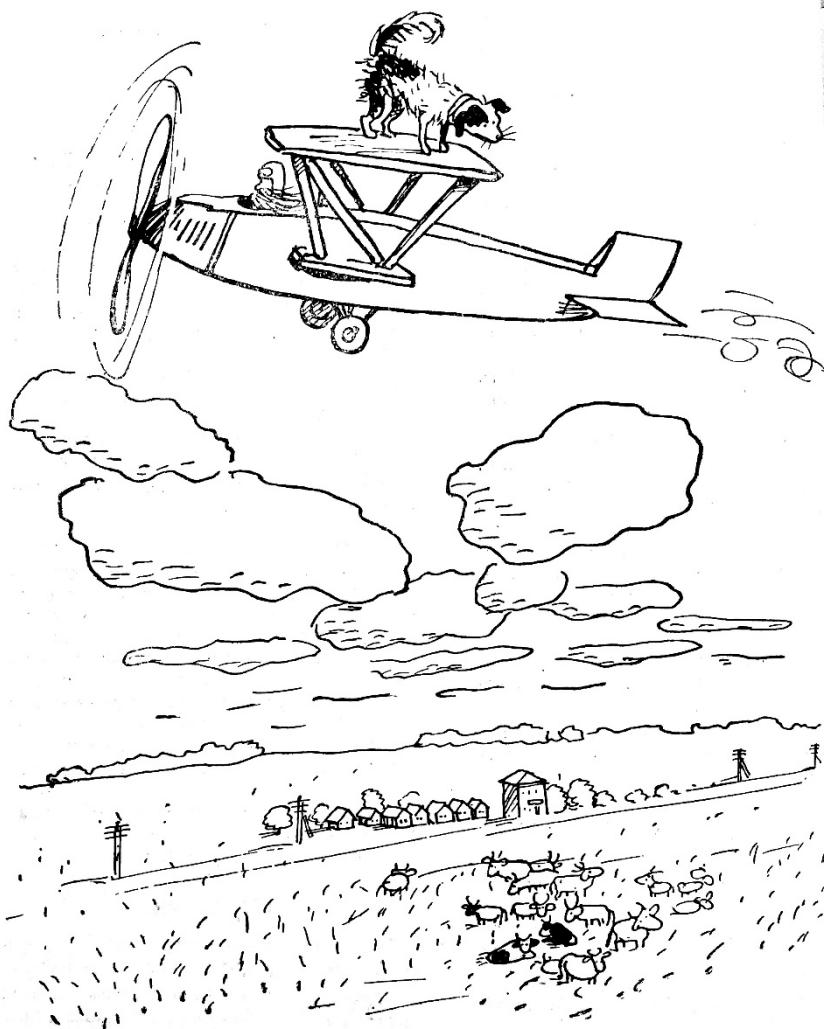
— А еще, слышь, ероплан к нам привозят, — говорит он. — Сторожить поля в скором будущем с его будем.

— С ероплана? — говорит старуха.

Она недоверчиво приподымается на локте.

— Известное дело. Не пешком же ходить, — говорит дед.

— А собака?

«...И собака на ероплане. Обыкновенная вещь. Оно даже громче,
сверху-то: гав, гав...

— Что ж. И собака на ероплане. Обыкновенная вещь. Оно даже громче, сверху-то: гав, гав... Граммофон, мол, как есть, не спит. Колхозный пес, воздушная собака.

Воздушная собака ему очень понравилась. Он даже встает и кряхтит от удовольствия. Он уже думает, что в самом деле «ероплан» скоро пришлют... Но старуха уже спит. Тогда дед тоже ложится. Засыпая, он видит во сне воздушную собаку: Граммофон летит по воздуху, с крыльями и хвостом машет.

«Надо будет Феде Копейкину обязательно рассказать, — думает дед, опять просыпаясь. — Вот дела-то, чудеса...»

СТРАННИК

Федя Копейкин — тот, конечно, совсем другое дело. Тот деда понимает с полуслова.

Однако не всегда Федя с дедом на поле ходит; в то утро как раз он по своим делам в город пошел. И отправился дед в поле с одной собакой Граммофоном.

Ходит он по межам и поверх колосьев щурится. «До чего ничего кругом особенного, — думает он. — Хоть бы ворюга какой али просто прохожий. О жизни спросить». Сторожевое дело известно какое — обошел кругом, посидел, снова обошел.

Сел он под кленом, свернул папироску. Села и собака.

— Заседание продолжается, — сказал дед и закрыл глаза. — Вопросы не имеются?

Он открыл глаза; собака лежала, высуниувши язык, и молчала. Стояла рожь, гречиха. Было жарко.

«Вот сейчас открыть глаза, а там...» Он опять закрыл глаза. «Что там? — спросил он. — Ну мало что. Ну, допустим, слон идёт. Или дом о трех этажах стоит».

Он открыл глаза. Слона не было. Но было все-таки странное явление: шел какой-то человек по-за гречихой и как-то особенно пригибался, и снова выпрямлялся.

— Кгм, — крякнул дед. — Словно грибы собирает.

Он встал и пошел навстречу.

По тропинке шел удивительный человек в соломенной шляпе, босиком и с большим мешком за плечами. Он время от времени останавливался, подпрыгивал на одной ноге, дрыгал головой, говорил что-то и шагал дальше.

Такое явление не могло, конечно, не заинтересовать Анисима Григорича: он сперва посмотрел на человека с одной стороны, потом заглянул с другой — ясно, невероятный человек. Человек же посмотрел на деда страшными глазами, дрыгнул опять длинной волосней и зашагал мимо. Но тут дед, разумеется, не мог отстать при таких обстоятельствах.

— Ты скажи прямо, — наконец молвил он прохожему. — Может, занемог? Или недоволен чем в жизни?

Человек остановился.

— На земле занемог, а на небе бог. Долг человек, да короток век, — сказал он, подпрыгнул опять и пошел дальше.

— Ах ты! — крикнул дед. — Вот чудо-юдо, сущеные уши! Он даже хватил шапкой о землю от восторга.

— Уши — не уши, — гаркнул человек, — а горят человечьи души! Р-р-р, гав, гав!..

И при этом он так подпрыгнул, что дед даже шарахнулся. Пес тоже отскочил и гавкнул.

— Да ты подожди хоть сигать-то! Собаку пугаешь, — сказал дед.

Он схватил прохожего за рукав.

— Расскажи делом. Кто ты таков? Может, артист? Или объелся чего?

— Я небесный гость, по имени Черный Голован, иду из далеких стран. Свят, свят, свят господь бог наш...

Осмотрел его дед и вдруг обратил внимание на мешок.

— А это у тебя что? Никак гречиха? Ну-ка, подожди, где это ты надергал, дорогой человек, давай проконтролируем.

Человек дрыгнул ногой и пошел было дальше.

— Нет, постой, небесный гость. Гречиху-то обсмотрим. Трясись не трясишь.

Он взял прохожего крепче за рукав. Человек перестал подпрыгивать.

— Я иду из святой земли, из города Иерусалима, божий человек.

— Вон как? — ахнул дед. — Неужто из самого из Иерусалима?

— Из самого. Странник я.

Дед снял шапку и перекрестился.

— Ну-к странный человек. Ты бы прямо и сказал. Садись-кошь. Закурить хочешь?.. Граммофон, на место!

Странник сбросил мешок и сел рядом с дедом. Они свернули по папироске и затянулись. Дед молча докурил папироску до конца и сплюнул.

— Ну, давай, — сказал он.

— Чего?

— Давай. Рассказывай.

— Чего ж рассказывать-то?

— Всего. О жизни. И опять же побольше. Божественного тоже... Я божественное с детства страсть как люблю слушать. Ну чего молчишь? Как из себя городишко Иерусалим? Трамвай, небось, тоже ходит?

— Нет, трамвая нету, не видал.

— А телефон, небось, существует? У нас, вот, знаешь, тоже телефон проводят. Страсть...

Так они посидели некоторое время, странник рассказывал, дед ахал. Дед дал страннику махорки. Они еще посидели, покурили. Странник встал и пожал старику руку.

— Ну, я пойду, хороший человек, — сказал он, — мне сюда надо.

— Как пойдешь, — удивился дед, — что ты, голова! Я тебя в сельсовет обязан представить. Потом ты мне еще должен про

божественное рассказать. Как же я тебя могу отпустить?.. А мешок ты мне дай...

Человек начал было дергаться опять, но дед только рукой махнул.

Только он махнул рукой, глядь: в гречихе лошадь стреноженная топчется. Поставил он мешок на землю. Побежал за лошадью, оглянулся: странник в сторону подался. Он вернулся и поймал странника.

— Ах ты незадача! — сказал он, почесав в затылке. — Личность ты сильно уважаемая, что с тобой делать? Ну, вот что: айда вместе лошадь ловить. Ну, ну давай, а то вот Граммофон сидит, собака ученая.

Граммофон поднялся и зарычал. Подоткнул странник полы рясы, и пошли они за лошадью. Гоняли ее, гоняли, наконец, выгнали на дорогу. Взял дед хворостину, погнал коня перед собой.

— Ну, рассказывай, — сказал он страннику. — Да ты не сильно спеши. Я побольше хочу послушать.

Но тут такое получилось: как только лошадь в одну сторону начнет с дороги прыгать, странник в другую подается. Что будешь делать?

Дед остановился подумать.

— Ват что, — сказал, наконец, он. — Тут вот какое изобретение: полезай на коня. Ну, ну, полезай! Ничего такого нет. Тебе больше даже почета верхом ехать. Иисус тоже верхом ездил.

Посмотрел странник на Граммофона и взобрался верхом на коня.

— Рассказывай! — крикнул дед и погнал лошадь шажком.

Однако лошадь была стреножена и потому не шла, как обычно, а прыгала, словно блоха. Это страннику не понравилось.

— Давай, — сказал дед. — Чего там!

— Было такое знамение недавно, — начал странник, ерзая на лошади, — в лесу, на ракитовом пне, обнаружилась икона чудотворца Мирликийского. Слыши?

— Икона? Господи, благослови, что же это такое может значить? — сильно заинтересовался дед, придерживая лошадь.

— Да-с, икона. Вот подходят к ней, а она и говорит... Да ты стой, не шибко гони, окаянный!

— Эт-то икона так говорит? Чего ж это она так?! — изумился дед и даже остановился на месте.

— Не икона. Я тебе говорю: не гони, дьявол старый! Печёнки отобью. Пожалел бы божьего человека: лошадь-то стреножена.

Но тут конь, как нарочно, вдруг пошел подпрыгивать, да подпрыгивать, так что дед даже изумился, как странник не свалится. А тот ухватился за гриву обеими руками, давай кричать.

— Ну, ничего, подожди, — сказал дед, — конь сейчас успокоится. Ты его ногами в бока не подпирай, он от этого фантазирует.

Так они проехали некоторое время. Только странник начнет рассказывать — конь давай прыгать — ничего не получается.

— Конь-то колхозный, — сказал дед. — Не нравятся ему твои рассказы. Это я такой мужик, старой закалки.

Они опять остановились.

— Вот что, — сказал дед, подумав, страннику. — Ты не обижайся на меня, но я тебя привяжу таким особенном манером. Ты не обращай никакого внимания. Знай рассказывай...

Перевязал он ноги странника под лошадиным брюхом и притянул потуже. Пошли. Спереди Граммофон, потом лошадь со странником, сзади всех — дед с мешком и хворостиной.

— Вот знатная процессия! — восхитился дед. — Прямо египетская церемония. Ну, валяй. Что икона-то сказала?

Так они и вошли в деревню, этакой процессией.

— ...А сказала она, что скоро придет день страшный и с неба каменный град посыпется. И побьет этот град всех колхозников, от мала до велика... Вот.

Дед опять придержал лошадь, подумал.

— Слушай, — спросил он, замедлив ход, — ну, а который сторож если в колхозе, того тоже побьет?..

— Тоже, без разбору.

— Фу-ты, вот пакость, — почесал в бороде дед. — Слушай, а это тоже икона сказала, или ты сам врешь?

— Мне врать нечего, я посланец божий...

Дед еще попридержал коня, и они некоторое время шли молча.

— Ну, а неужто так сразу всех до смерти, камнями? — спросил дед. — Небось, которых поколотит просто немного. Ну, по затылку, там, огреет раза два и отпустит, а?

— Сразу! Сразу! — закричал тут странник необыкновенным голосом. — А потом в пещь огненную бросит! И пойдет по земле глад, мор и плач человеческий и такое пойдет...

Тут странник схватился за голову и стал рассказывать такие вещи, что заплакал. Действительно, и дед до того расчувствовался, что, шмыгнув два раза носом, вдруг махнул рукой и тоже заплакал.

Странник заголосил сильнее, дед пустил коня еще медленнее.

— Ну давай, давай, рассказывай, — сказал он только.

Так они шли, а когда стали подходить к деревне, то и совсем почти остановились.

— Ну, отвязи, — сказал здесь странник. Зачем тебе странного человека под статью подводить?

— Что ты? Милый человек? — удивился дед. — Град градом, а за колхозную гречиху у нас сельсовет существует. Что же касаемо рассказов, большое спасибо; давно столько не слушал всласть...

И погнал дальше. Так они и вошли в деревню, этакой процессией: странник на лошади плакал, дед за ним, с мешком, тоже носом шмыгал, только одна лошадь не плакала, да и то потому, что она не слышала, чего дед слышал. Известно, лошадь — существо нешибко понятливое.

ДЕДОВА БОЛЕЗНЬ

Дед, по прозвищу Бородоед, живет в деревне Топунцы, Малевского района, работает в колхозе. Живет, известно, хорошо, трудодней зарабатывает премного. За отличную работу давно он уже в почете. В премию дали ему радиоприемник с громкоговорителем, велосипед, три пары полуботинок, калоши новые и еще многое кой-чего.

Дом ему отстроили новый, как раз на площади стоит, где трибуна на случай всяких праздников, клумба с цветами и щит с красной и черной досками.

Больше всего деду понравилась трибуна. Всем он говорил, что трибуну-то как раз для него и поставили.

Известно: мужик языкастый, любитель поговорить.

В самом деле народ повадился по вечерам у трибуны собираться, деда послушать. Любил он больше рассказы из старой жизни, старицкой, но мог поговорить и по любому всякому другому предмету.

— Вот, — говорят ему, — слышь, дед: лягушки, расквакались. Прямо пение оперы.

— Ну что ж, лягушки. Известно, — всякое животное петь может. Во Франции лошади, я слышал, поют. А то лягушки!

— Ну, уж ты и скажешь! Чтой-то у нас! они не поют ни в какую.

— Ну это как еще и сказать—«ни в какую». К ним подход тоже нужно найти. Вот дорогие мои, я вам расскажу, была такая история...

И пошел рассказывать.

Но только случилось как-то с ним неизвестно что. Точно вожжа какая под нога попала. Старик заскучал, работать стал хуже, вообще сбился.

Сидит как-то у трибуны, курит цыгарку.

— Да, — говорит, — все хорошо. Всё есть. Только ничего такого нету...

— Чего нету, дед? — спросил кто-то.

— Да так, того-сего...

— А все-таки чего?

— Мало ли чего. Лешего нету...

Тут народ захохотал.

— А на кой он тебе леший-то? — спросил один парень.

— Да мне он ни к чему, — сплюнул старик. — Понятно, леших нету. Колхоз теперь, не старое время.

— Были ли они и в старое, еще неизвестно, — осторожно сказал кто-то.

Тут дед обиделся.

— Почему же неизвестно? — сказал он презрительно и еще раз сплюнул. — Кому неизвестно, а кому как... Раньше всяко бывало.

— А к примеру? — спросил парень, тут дед совсем рассердился:

— Вот тебе и к примеру. Чего ж тут такого? Обыкновенное дело. Бывало, ежели мужик один поехал, то лесовик обязательно пакость ему подложит. То лошадь заведёт, то чихать начнет, то обернется чем...

— Чем же?

Дед развел руками:

— Чем, чем. Эк пристал... Ну кошкой, скажем. Медведем. Собакой. Мало чем.

— Неужели и собакой бывало?

— Понятно, и собакой. При старом режиме все бывало. Каждый леший над мужиком рад был потешиться.

Тут дед увидел, что народ посеръезнел, поддал пару:

— Что собакой? Один раз курицей прикинулся...

— Ну это зачем же, курицей?.. — недоверчиво опять хмыкнули кругом.

Дед разгорячился:

— Как зачем? Каждый дурак понимает, зачем. Мужик, он видит: курица ничья бежит — да за ей. А она от него. А он за ей...

Какая-то тетка перекрестилась.

— И что же?.. Много так народу таскала? — тихо спросила она.

— Конечно, много. Иной раз по пять мужиков в день таскала. А то и по десять.

Тут деду показалось, что десять, пожалуй, много. Подумав, он сказал, завернув новую цыгарку:

— Я, конечно, не считал и не видел, но люди рассказывали...

— То-то, что люди, — сказал парень и подмигнул остальным.

— Люди говорят, что гвозди едят.

Все захочатали опять, и дед, обидевшись, Ушел спать.

С того времени и приуныл старик. На другой день на работу не вышел, сказал: больной. И вообще потом манкировать стал. Каждый день выходит только перед трибуной посидеть, а на работу почти не появляется. То день не работает, то два, то неделю целую. Стали его совестить, укорять, на собраниях говорить — ни в какую,

Наконец, сняли его с красной доски. А доски — черная и красная — тут же, против дома, висели. И это не помогло.

—Что тебе надо, не понимаю, — сказал ему председатель Фома Егорыч. — Дом ты имеешь, радио, калоши. Еще, если хочешь, заработкаешь, — только живи да наслаждайся.

— Мне калоши нипочем, — сказал дед.— Не можешь ты меня понять. Калош я хоть сто пар куплю. Я необыкновенной жизни хочу. Не могу я без необыкновенного жить. Помирать нужно.

— Пошел бы ты к доктору. Зачем помирать?

Пошел он к фельдшеру Никодиму Петровичу, потом съездил в амбулаторию. Не нашли ничего у него.

— А аппарат у вас есть, что внутрь просвечивает? Под названием рентген? — спросил он. — Нету? Ну то-то.

И уехал домой. А здесь его тем временем на черную доску повесили.

— Нипочем, — сказал он старикам. — Мне теперь другие доски заказывать нужно. У них, видишь ли, аппарата для просвечивания насквозь нету еще, публика отставшая. А у меня внутри от старого времени еще болезнь копошится.

— Что ж это, за болезнь, Анисим Григорьевич? — подивились старики, стали его расспрашивать.

— А такая, будто во мне два мужика сидят. Живу, живу—ничего, второй мужик спрятавши сидит. А иногда он вдруг толк кулаком в живот и давай городить. «А вот в старое время, — говорит, — куда интереснее было. То да се...» Заткнешь его, а по прошествии времени он опять свое.

— В самом деле или как? — спросила его старуха.

— Болезнь такая. Двойная психография называется по научному.

— А ты не пробовал его порошком если персидским затравить?.. Второго мужика-то?

— Пробовал. И карболкой пробовал. Живуч он. Он одной водки и то ведро выдерживает.

Пошел дед по деревне. Ни телефонные столбы, ни новая баня, ни машина — ничто его не интересует. Ходит и всем про двойную

психографию рассказывает. Стали старики даже живот у него щупать, подробности расспрашивать:

- Ничего сейчас?
- Так, помаленьку коловоротит. Сосет.
- А на кисленькое не тянет?
- Нет, только чего-то все такого хочется.

На работу совсем перестал выходить.

Встретил его председатель, просил последний раз подумать.

- Не могу. Психография, — сказал дед.

— Ну так поставим об исключении из колхоза. Будет психография, — сказал председатель, а сам позвал к себе лучшего дедова друга — пионера Федю Копейкина.

— Ты, — говорит, — первый помощник и друг его. Расскажи, в чем у него дело.

- Знаю, — говорит Федя, — в чем. Давай делать, как я скажу.

Вылечим.

Пока они говорили, что делать, пришел дед домой и лег на лавку.

- Помирать буду, — сказал он старухе.

— Подожди, — заплакала старуха. — Есть тут один человек, женщина, по всем болезням, — Бабуниха. Она все может.

- Ну давай Бабуниху. Все равно. Только ты ее ночью зови.

Неловко: знатный ведь я человек в колхозе.

Старая бабка Бабуниха, известная специалистка по ведьмам и знаток по страданьям, гаданьям, травам и дурному глазу, пришла к вечеру, когда стемнело. Тихо юркнула она в дверь и села на лавочку перед дедом. Анисим Григорьевич лежал кверху бородой и высчитывал, сколько на потолке могло бы людей поместиться, если бы люди ходили кверху ногами.

Расспросила Бабуниха его, в чем дело, рассказал он ей.

— Ну понятно, — сказала она. В тебе два мужика сидят. Вот мы второго сейчас и выгоним. Дело не редкое. Ложись опять на спину.

Лег он опять кверху бородой, а сам одним глазом смотрит: больно интересно ему, что бабка выделявать будет. А она развернула узелочек, вынула горшочек, поплевала в него, порошку насыпала и давай возле деда прыгать.

— Лежи, не дрожи, — сказала она, — бороду держи. Не оглядывайся на меня. Коловорот, каррабалот, на утренней заре, при тесовом дворе...

— Подожди, — сказал дед подымаясь. — А ты знаешь, с кем ты говоришь? С Анисимом Григорьевичем, знатным человеком колхоза «Трудовые дни»...

— Ясно, знаю, батюшка.

— Ну то-то, — дед опять лег. — Ты смотри, чтобы лечение было соответствующее. И слова там — повежливее. Что за каррабалот такой?

— Это слово лечебное. Мужика выгнать. Ничего такого.

Велела бабка глаза закрыть и опять подпрыгивать.

— Стой! Стой! — вдруг встрепенулся дед.

Он даже вскочил совсем с лавки и уставился на старуху.

— А ты которого мужика-то выгонять будешь? — спросил он.

— Как, какого?

— Так. Колхозного или старого? Ты у меня старого, смотри, выгони.

— Ну, самой собой, какого же еще?

— А ежели не того выгонишь, ведьма старая, если выставишь прочь колхозного мужика, что я тогда буду делать?

Еле уговорила бабка его. Лег он опять. Положила ему бабка горшок на живот.

— Сейчас будем слушать, что он говорит, — сказала она, упервшись в живот руками. — Говорит что-нибудь?

— Нет.

— А сейчас?

— Нет. Ни пол слова.

Билась, билась она — ничего не говорит. Пошептала она что-то, еще раз стала давить.

— Слышишь что-нибудь, дед?

— Слышу.

— Что говорит? — обрадовалась бабка.

— Сейчас, дай послушать. В Воронежской, — говорит, — области ожидается пасмурная погода с умеренными осадками.

— Чего? — удивилась бабка.

— С умеренными осадками...

— А сейчас чего?

— Покупайте, — говорит, — билеты одиннадцатой лотереи Осоавиахима...

Бабку от удивления даже в пот бросило.

— Удивительный у тебя мужик, — развела она руками. — Особенный какой-то. А еще что слыхать?

— Ясно, особенный. У меня, думаешь, простой будет? А сейчас ничего. «Объявляем, — говорит, — перерыв на пять минут. После чего слушайте певицу Мармеладову».

Бабка всплеснула руками.

— Да-к это, может, радио у тебя за стенкой?! — ахнула она.

— Ясно, радио. В премию дали. Ничего удивительного. Сама спрашивала, чего слыхать...

Плюнула бабка и даже нехорошим словом запустила сгоряча. Начала она разводить бутафорию всю сначала.

— Подожди, что это за окном шум какой на улице? И разговор какой-то, — сказал дед.

— Скажи Федор Евстигнеевич Копейкин, неужто в самом деле
ты не видишь меня?

— Ничего, лежи. Нельзя тебе в окно смотреть.

...Словом, так она лечила его до утра без особых результатов.

А на заре дед плюнул на бабку и встал.

— А ну тебя, некогда мне с тобой канитель разводить, — сказал он. — Надо на улицу идти.

Вышел он из избы и остался от удивления: перед избой ни трибуны, ни клумбы с цветами как не бывало. Даже столбы с красной и черными досками и скамейки точно за ночь языком слизнуло — голое место. Походил дед по пустырю, потоптался — никого нет.

«Хоть бы черную доску для меня-то оставили...» Почесал он затылок, пошел по деревне. Видит: клумба, и скамейки на другом конце села стоят. И народ на всех скамейках сидит как ни в чем не бывало, как будто так всегда и было.

Дед даже шапкой хватил о землю.

— Вот что удивительно, так удивительно! Вот фанаберия-то, давно не видывал такого.

Подсел он к одному колхознику.

— А отменно придумано! — толкнул он его в локоть. — Ax, лапти зеленые!

А колхозник ничего в ответ, даже головы не повернул. Спросил он другого, третьего — никто не ответил, будто не замечают даже его. Подошел он к Фоме Егорычу, а тот сквозь него смотрит, и не видит деда.

Страшно и смешно даже ему стало. Побежал он, разыскал друга своего, приятеля Федю Копейкина с собакой Граммофоном. Федя тоже мимо прошел. И собака даже хвостом не мотнула и в сторону отвернулась. Обидно стало тут деду. Схватил он Федю за рукав:

— Скажи, Федор Евстигнеевич Копейкин, неужто в самом деле ты не видишь меня? Вот же борода, штаны опять.

— Нет, — сказал тот. — Ничего не вижу. Как сквозь стекло. Вот удивительно, Граммофон. И не слышу даже. Пошли Граммофон.

И зашагали прочь.

«Ну, — думает дед, — этого не может быть».

Вернулся на пустырь, сел на завалинку и цыгарку закурил. Сидит один. Скучно ему: поговорить не с кем.

Так весь вечер просидел дед один на площади: никто не пришел. На утро не выдержал дед и, как прежде, застучал палкой в федино окно.

— Давай, зашагали, — сказал он, — разоспался, поди, работу проспиши.

— В самом деле, пора, — согласился Федя, — солнце высоко.

— Ясно, высоко, — сказал дед. — Сам понимаешь, делов полон рот...

...И сейчас он еще живет и здравствует по-прежнему в колхозе «Трудовые дни». Работает он в два обхвата и трудодней получает

отличное количество. В колхозе тоже новостей масса. Справили клуб, в канцелярию провели телефон.

Не забывает туда и дед заглянуть, к счетоводу Фролу Саввичу, поздороваться и потолковать. А если счетовода нет, он тихонечко подходит к телефону, щупает его так и этак и пальцем стукает, потом еще осторожненько трубку снимает и слушает. А там, известно, треск стоит и голоса всякие слышны.

— Эй, — говорит дед. — Милый человек, который ты там! С добрым утром, привет, почтение от старого колхозника Бородоеда из колхоза «Трудовые дни», Маляевского района, Боровское почтовое отделение. Это я, да. Ну, живи, дорогой, на здоровье, а я пойду...

РАССКАЗ О ГОВОРЯЩЕЙ СОБАКЕ

Вообще говоря, говорящих собак на свете нет. Так же как говорящих лошадей, леопардов, кур, носорогов.

Собственно, науке известен только один такой случай, это — знаменитая говорящая собака Мабуби Олстон. Она принадлежала известному доктору Каррабелиусу, но где она находится в настоящее время, никому не известно. История эта — истинная правда. Произошла она не так давно, в маленьком, очень далёком и захолустном городке Нижнем Таратайске, на реке Бородайке.

Излишне говорить, что город Нижний Таратайск никогда до этого замечательного события не только не видал говорящих собак, но даже обычновенными собаками, как город маленький, не

изобиловал. Было в нём ровно шесть собак, причём одна из них неполная. Она имела только три ноги и один глаз; всё остальное она растеряла за свою долгую и бурную жизнь. Но это не мешало таратайским собакам быть особенными.

Естественно, что все жители города знали всех шестерых собак наперечёт. Они даже составляли известную гордость Таратайска. Этую гордость подогревали особенно владельцы собак, люди тщеславные и самолюбивые. Поэтому и все жители считали, что таратайские собаки самые умные на свете. Все говорили: "Наши собаки". Приезжих спрашивали; "Вы ещё не видели наших собак?" Возвращаясь поздно домой, таратайцы говорили: "Это лают наши собаки" — и слушали их, точно пение соловьев.

Каждый из владельцев, в свою очередь, конечно, считал, что его собака самая умная из шести собак, и на этой почве происходили между ними всякие дрязги.

Пес бухгалтера Ерша.

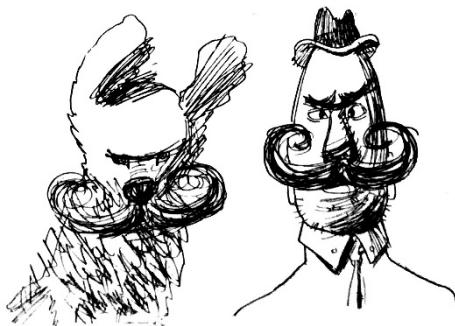
Черная собака счетовода Попкова.

Каждый находил в своей собаке особые достоинства, и каждая была по-своему хороша и мила для города. Чёрная собака счетовода Попкова была больше всех: она могла при желании проглотить поросёнка или даже самого счетовода. Пёс бухгалтера Ерша был необыкновенен по

раскраске; весь он состоял из пятен и каких-то грязных полос и походил не то на зебру, не то на шахматную доску. На глазах у всех бухгалтер мыл его, доказывая, что эти пятна не отмываются. Белый пудель Екатерины Фёдоровны Бломберберг был хотя не чистый пудель, а помесь с овчаркой, но всё же был почти породистый и умел делать реверанс.

Но больше всех гордился своим псом Аракатом провизор аптеки, огромный, как башня, мужчина, с усами, закрученными кверху. Его всегда видели с собакой и с бамбуковой палкой в руках.

— Я побью того, кто скажет, что моя собака не лучше всех, — говорил провизор. — Смотрите, она даже похожа на меня.

...Смотрите, она даже похожа на меня.

пенсионер Поджижиков, человек ветхий, но так же равнодушно смотревший на мир, как его древнее животное, по прозвищу

Белый пудель Екатерины Фёдоровны Бломберберг.

И действительно, у них было странное сходство: собака была так же длинна, у неё были так же закручены вверх усы; ей недоставало только бамбуковой палки.

Лишь один владелец трёхногой собаки не обладал особым самолюбием в собачьем вопросе. Это был старый

Бейбулат. Единственно, чем они оба занимались, это сидели целый день на крылечке и дремали.

И вот однажды...

Доктор кинологии и восточной школы дрессировки животных, заклинатель змей и зоопсихолог Отто Каррабелиус приехал в Нижний Таратайск прямо из-за границы, возвращаясь с Малайского архипелага. Никем не замеченный, он сошёл с поезда и с двумя чемоданами, ассистенткой, небольшой собакой, двумя обезьянами, попугаем и морской свиньей, по прозвищу Элеонора, отправился в местную гостиницу "Эльдорадо". А через день по городу были расклеены удивительные афиши:

«ДОКТОР КАРРАБЕЛИУС

представляет дрессировку животных
Прыжок в обруч. Поднимание животными гирь. Танец танго на зонтике.

А затем *впервые в Европе и Америке* покажет номера восточной школы психодрессировки животных.

ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА.

Результат долгой научной подготовки и работы с животными. Чудес нет. Буфет по удешевленным ценам».

Когда появилась афиша о необыкновенной собаке, весь город, естественно, начал говорить об этом событии. Мнения жителей были разнообразны.

— Это надувательство, — говорили одни. — Собака не должна говорить. Собака обязана лаять и дом сторожить. Знаем эти индийские штуки! На что наши таратайские собаки — и то не говорят ничего.

— Нет, всё же заграничное воспитание... — робко отвечали другие. — Конечно, дай нашим воспитание, так они бы и не так бы заговорили...

— По науке, собака не имеет права разговаривать. У неё с медицинской точки зрения не так всё устроено, — говорил провизор аптеки, размахивая бамбуковой палкой.

— Почему же! Вы забываете, как наука и техника вперёд шагнули. Вон телевидение, например... Почему же собаке не говорить? Пора. Давно бы пора обратить внимание. Это же красота! Сидит, к примеру, собака, дом сторожит. Чтобы ей лаять на вора, она ему вдруг вежливо так, басом говорит: “Ты чего тут шляешься? А то вот хозяина как кликну, так будешь хорош...”

Как передают теперь свидетели, особенное напряжение в городе началось с той поры, когда на улицах стал появляться доктор Otto Каррабелиус с собачкой. Поползли всякие слухи. Передавали, будто где-то его собака чихнула и извинилась. У кого-то она спрашивала адрес какой-то улицы. За Otto Каррабелиусом ходила толпа, и во главе — все владельцы собак, кроме двух. Хозяин чёрного пуделя Клондайка, местный священник Святоперекрещенский сидел дома и говорил собравшимся у него старушкам, что всё это ведёт к концу мира.

— Не ходите смотреть на эту нечисть, — говорил священник. — Вот до чего дошло при советской власти: собака

— Не ходите смотреть на эту нечисть...

говорит. Этак, того и гляди, куры танцевать станут, коровы частушки запоют! С нами крестна сила!

Один только старичок пенсионер Поджижиков сидел равнодушно на солнышке и грелся с собакой Бейбулатом. Когда ему говорили про говорящую собаку, он только зевал:

— Ну и что же, охо-хо, — говорил он, — пусть говорит на здоровье.

Ничто его не прошибало!

*Один только старичок-пенсионер Поджизиков
равнодушно дремал на солнышке.*

Мальчик Витя Храбрецов, пионер, ученик и следопыт первой категории, твёрдо задался целью выяснить тайну собаки. С утра до ночи он ходил по улице за доктором Каррабелиусом и даже пропустил все занятия. Но собака почему-то молчала. Вопрос особенно волновал Витю: если собаку можно выучить говорить

по-русски, по-немецки и по-французски, то не может ли она вообще ходить в школу и готовить уроки?

В день представления зал клуба местной пожарной дружины “Красное пламя” был набит битком. В первом ряду сидели четыре владельца собак. Тут был и счетовод, и бухгалтер, и Бломберберг, и провизор с палкой.

Вышли доктор Каррабелиус во фраке и ассистентка в костюме наездницы. Быстро проделали свои номера обезьяны, попугай и морская свинья Элеонора. Их публика пропустила мимо глаз. Доктор понял, что публику волнует собака. Видя напор толпы, он забеспокоился. Где-то треснул барьер.

Наконец вышла собака. Сначала она проделала прыжки и танго на зонтике. Потом доктор вышел вперёд и сказал:

— Товарищи, милостивый государь и милостивый государин, теперь мы продемонстрируем главный номер, как биль говори собака. Перед вами маленький млекопитающий животный Канис Фамильярис — обыкновенный домашний собака, по имени Мабуби Олстон.

— Давай! — крикнули в публике.

Ряды придвигнулись к сцене. Доктор немного отступил и вытер затылок.

— Ничшего необыкновенного и сверхъестественного в этом мире нет. Все ви знайт, что такой, например, обычный животный, как попугай, может говорить по-человечески голос. Собака же — самий умный животный, древний друг человека. Мои долгие опыты на основе изучения восточный наук...

Публика придвигнулась ещё ближе. Все вскочили с мест и полезли на сцену.

— Давай! — закричали опять в публике.

— Товарищи! — сказал доктор отступая. — Я боюсь, что при таких условиях мой собак не сможет сказать ни один слов.

Здесь публика заволновалась ещё больше. Все смотрели на собаку, но ничего не было слышно.

— Он сейчас удерёт. Держите его! — кричали владельцы таратайских собак.

— Она не будет говорить.

— Тише!

— Дайте собаке поговорить, — спокойно пробасил кто-то.

— А она на каком языке будет?

— Товарищи! — сказал доктор. — Я очень плохо говориль по-русски. Но мой собак изучиль его лучше меня. Ну, я попрошу кого-нибудь на сцена.

И здесь на сцену выскочил следопыт Витя Храбрецов.

— Я! Ну, как тебя звать? — спросил он у собаки.

Собака взглянула на него и открыла рот.

— Олстон Мабуби, — вдруг сказала она громко. — А тебя как?

Витя растерялся. Публика ахнула и присела. Собака открывала рот и выдавливала из себя настоящие слова. Тут в зале от напора толпы треснула скамейка, и опять поднялся шум. Все слова разобрать было нельзя. Доктор поспешил откланялся и удалился со сцены, уводя собаку.

Возбуждённая публика долго не уходила. Она спорила. “Говорила!” — заявляли одни. “Ничего не говорила. Это обман зрения!” — кричали хозяева собак.

На другой день в городе появилась афиша о втором представлении с припиской: “Ввиду нервного состояния собаки просьба соблюдать абсолютный порядок. В противном случае сеанс говорения может не состояться”.

Город разбрёлся на два лагеря. Теперь только и было споров: говорила или не говорила. Даже пять местных собак бегали по городу, взволнованные общим спором. Первая половина города

теперь смотрела на них насмешливо: “Ну, вы, тоже собаки, только и толку, что реверанс...” Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

Псы стыдливо поджимали хвосты и убегали в подворотни.

толпой по улицам и пели сочинённую кем-то песню:

«Что за шум и что за драки?
Кто затеял кавардак?
Это враки,
Это враки,
Всем известно, что собаки,
Таратайские собаки,
Лучше всех других собак!»

Только древняя трёхногая Бейбулатка и старичок Поджижиков оставались спокойны: по-прежнему они сидели на крылечке, равнодушные к общему волнению.

— Ну и что же? Всё бывает, — говорил пенсионер.

Но на второе представление его всё же притащили и посадили в первом ряду.

К моменту выхода собаки напряжение опять достигло предела: все боялись, чтобы сеанс не отменили. Публика

напрягалась, зажав рты. Все делали друг другу строгие знаки. Затаённое дыхание иногда лишь прерывалось вздохами. Только старичок Поджижиков сидел в первом ряду и спокойно дремал, задрав голову на спинку стула.

Опять прошла морская свинья. Подошло дело к собаке. Мальчик Витя Храбрецов на цыпочках вышел на сцену.

— Прошу для удостоверения научности опит выйти на сцена представителей медицинского мира, — сказал доктор. — Ну, собачка, скажи что-нибудь мальчику. Смотри, какой мальчик.

— Ничего. Мальчик как мальчик. Так себе, — вдруг сказала собака и зевнула.

Тишина разорвалась. Поднялись крики.

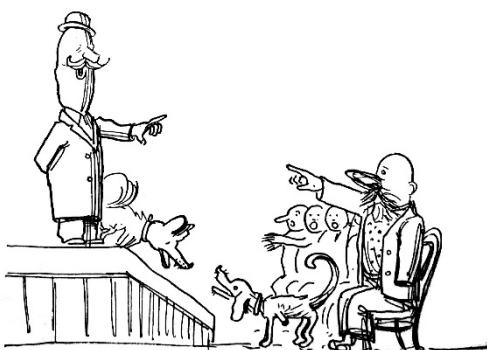
— Бис! — кричали из задних рядов.

— Мальчик как мальчик. Ну? — громко повторила собака.

Сомнений быть не могло. Гром аплодисментов потряс здание клуба. Старичок Поджижиков проснулся.

— Ну и что ж тут такого? — вдруг сказал он в наступившей тишине. — Эка невидаль. Ну-ка, Бейбулат!

И тут, как рассказывают свидетели, началось нечто совершенно необыкновенное. Из-под скамейки вдруг вылезла полуслепая Бейбулатка с белой свалявшейся шерстью и на трёх ногах приковыляла к своему хозяину.

Собаки стояли
друг против друга и кричали друг другу

Хмуро и гордо она посмотрела одним своим глазом на собравшихся.

— Поговори с собачкой! — сказал старичок.

Собака посмотрела на сцену.

— А ну её к свиньям! — вдруг сказала она. — Чего мне с ней разговаривать?

Тут уже осталенел доктор кинологии Каррабелиус. Вытаращив глаза, он смотрел на белого лохматого пса-дворняжку.

— Мы их забьём, этих сеттер-шнельклепсов? Правда? — спросил старичок Бейбулата.

— Ясное дело, забьём, Сидор Поликарпович. Это нам раз плюнуть! — отвечал пёс. — Мы ещё не так сумеем разговаривать!

Но собака доктора Каррабелиуса не растерялась.

— Ну, кто ещё кого забьёт! Мы посмотрим! — закричала она.

Публика опять вскочила. Одни мчались к выходу, другие лезли на сцену, третьяи орали какие-то слова. Тем временем две собаки стояли друг против друга и выкрикивали друг другу разные глупости. Это продолжалось до тех пор, пока старичок не увёл свою собачку, а доктор свою. Оставшаяся публика не могла успокоиться. Владельцы собак в первом ряду запели песню таратайцев, и её подхватили задние. Усатый провизор вскочил на сцену и принялся дирижировать своей бамбуковой палкой. Все пели хором:

«Что за шум и что за драки?

Кто затеял кавардак?

Это враки.

Это враки,

Всем известно, что собаки,

Таратайские собаки,

Лучше всех других собак!»

Потрясённый город не мог спокойно жить, спать, есть и работать. Собачья гордость Нижнего Таратайска переливала через край. Даже жители Верхнего Таратайска и Среднего Таратайска валом валили смотреть на собаку Поджижикова. Но старичок и пёс по-прежнему мирно дремали на солнышке.

Витя Храбрецов целый день носился по городу. Вечером, усталый, он возвращался домой мимо церкви Воздвиженья на Песках.

Однажды он услышал странную возню за церковной оградой. Прислонившись к ограде, он прислушался. Оттуда доносился голос священника.

— Ну, Клондайк, — быстро шептал он, — ну, скажи: “Папа”. Ну, стой смирно, господи благослови! Ну, скажи: “Хо-ро-ша-я по-го-да”.

Все владельцы срочно обучали своих собак языку. День и ночь они муштровали их и так и этак, допытывались у старика Поджижикова наскчёта его секрета.

И вот — чего не сделает человеческая гордость! Нам могут не поверить, но беспристрастная история свидетельствует об этом замечательном моменте в жизни города, когда собаки действительно начали понемногу разговаривать о том о сём.

Пять собак Нижнего Таратайска стали говорить!

Это было страшно. Хозяева выводили своих собак на крыльцо, ходили взад и вперёд по улицам и перед изумлённой толпой беседовали с ними о всяких вопросах.

— Хорошая погода, — говорили они собакам.

— Ничего, действительно, — отвечали те, — только не мешало бы небольшому дождичку.

Мир воцарился между хозяевами пяти собак. При встречах они хитро подмигивали друг другу. Таратайские псы тоже торжествовали. Они здоровались друг с другом на улицах, кричали

из-за заборов и пели песни. Рассказывают даже, что чёрная собака счетовода Попкова как угорелая носилась по улицам и кричала:

— А ну, где тут доктор Карабелиус? Разве он ещё не уехал в Индию?

За ней гонялись пожарные. Только попу не удалось обучить свою собаку ничему. Он мучил беднягу днём и ночью, но она оставалась молчалива, как камень. С горя, говорят, поп принялся обучать своего пса музыке и математике. А у старухи Тараканихи будто бы кошка начала вдруг разговаривать по-французски. События начали принимать невероятный оборот.

Тогда доктору Карабелиусу посоветовали срочно покинуть город.

— Это вы все наделали, — сказали ему. — Когда вы уедете, наши собаки успокоятся. У нас и без говорящих собак дел очень много.

Некоторые скептики, конечно, говорили, что всё здесь — обман. Они заявляли, что тут обычный цирковой трюк под названием “чревовещание”: сам артист говорит сперва своим обычным голосом, а потом, когда собака открывает рот, он отвечает за неё другим голосом. На этом понемногу все начали успокаиваться.

Но не такой был мальчик Витя Храбрецов: он решил выяснить тайну до конца. Когда доктор уезжал, он шёл за ним и его собакой до самого вокзала.

— Олстон! — кричал он ей. — Скажи два слова.

— *А ну, где тут доктор Карабелиус?*

Но собака молча, понурив голову, шла за доктором.

— Олстон Мабуби! Это я, Витя Храбрецов. Мы с тобой разговаривали в театре.

Собака молчала. Доктор не оборачивался.

Витя бросил собаке кусок хлеба, чтобы посмотреть, нет ли у неё во рту говорящей машинки. Она не взглянула на хлеб. Тогда он кинул в неё камень, чтобы она выругалась. Она молчала.

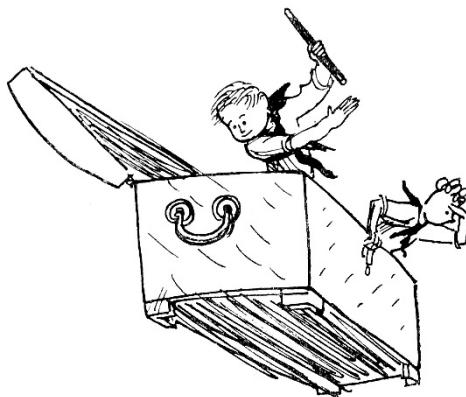
Наконец, когда доктор Каррабелиус влезал в вагон, она посмотрела на Витю Храбрецова, покачала головой и сказала:

— Ты очень плохой ученик, пионер и мальчик. Во-первых, нехорошо швыряться в собак камнями. Во-вторых, ты пропускаешь занятия, как лентяй. И, в-третьих, говорящих собак никогда не было, нет и не может быть.

И она была права. Сказав это, она исчезла вслед за чемоданами, обезьянами, попугаем и морской свиньей «Элеонорой».

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Доктор Каррабелиус был, разумеется, не только дрессировщиком собак и попугаев, но и фокусником-иллюзионистом, чревовещателем, глотателем змей и многое другое. Короче говоря, он умел делать все те таинственные и

Им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк.

заманчивые вещи, которые, как известно, многие хотели бы делать, да, к сожалению, не умеют.

Он, например, мог протыкать булавкой язык и исчезать из сундука на глазах у публики. А кто не мечтал об этом?

В самом деле! Если ёщё с булавками — туда-сюда, то уметь исчезать из сундука хотел, конечно, уж всякий.

Некоторые люди спокойно относятся к этому: не могут проткнуть свой язык, проглотить шпагу или сварить яичницу в шляпе — ну и ничего, живут и так. Конечно, сначала погорюют некоторое время, а потом и ничего.

Но были такие два мальчика, которые никак не могли съянуться с тем, что они не иллюзионисты. От досады они не могли спать по ночам. Во сне они глотали всякие тяжёлые предметы, садились в сундук и летали в нём по воздуху, за ними гналась толпа; тогда они исчезали вместе с сундуком, и толпа останавливалась поражённая: “Ах, какие мальчики, — говорила она, — ай да мальчики!”

Звали их Валя и Саня. А жили они в том самом городке, куда приехал однажды с цирком доктор Карабелиус и где произошло всё то, что тут описано.

Валя и Саня достали билеты на самое первое представление доктора Карабелиуса, за семь дней до открытия цирка. Им казалось, что на открытие пойдёт весь город и билетов для них не

останется. По городу они ходили все семь дней очень взволнованные и радостные. Только очень им было жалко извозчиков, так как те не могли пойти в цирк. И пожарного на каланче было жалко.

— Ну, ещё пожарный может отпроситься с дежурства, — сказал Саня, — а уж извозчикам плохо: не уйдёшь с козел.

— Ну, могли бы на минутку привязать лошадь к столбику и пойти взглянуть, — сказал Валя.

— Не знаю... Я бы, пожалуй, конечно, привязал...

Они хотели так и посоветовать извозчику, но тот сидел очень уж хмурый, и они не решились к нему подойти.

Пришёл наконец день представления. Цирк действительно был полон. Саня и Валя сидели на местах уже задолго до звонков, так как боялись, что звонки забудут дать и они пропустят иллюзиониста.

— А вот и пожарный стоит, — сказал Валя, — он так и сделал, как мы думали.

— Может быть, ещё извозчики придут, — сказал Саня, но тут на сцену вышел человек в мундире с метёлкой.

— Доктор Каррабелиус... — сказал Валя.

— Нет. Это униформа¹, — ответил Саня. — Он будет подметать метёлкой, чтобы доктору было чище.

—А вот и пожарный стоит

1—Униформа — здесь: служитель арены.

Однако арену подмели не для доктора, а для лошадей. После лошадей были велосипедисты и ещё многое, и только самим последним номером объявили иллюзиониста и факира — профессора индийской магии доктора Каррабелиуса.

Доктор вышел с помощницей; он огляделся, кашлянул и сказал:

Дорогие граждане! Так как я отрезайль своей помощница голова, то я прошу теперь помогайт мне кого-либо из публики.

— Для началь я буду сделаль один пустячок: отрежу голова это женщина.

Ребятам стало жалко женщину. Но она спокойно легла в длинный ящик. Ящик поставили стоймя, и в отверстие, проделанное вверху, все видели лицо женщины. Доктор взял плотничью пилу и перепилил ящик там, где была шея женщины. Потом нижнюю часть ящика унесли, а в верхней по-прежнему оставалась голова помощницы доктора. Ящик с головой доктор положил на стул и сказал публике:

— Дорогие граждане! Так как я отрезайль своей помощнице голова, то я прошу теперь помогайт мне кого-либо из публика.

Саня и Валя вскочили оба.

— Я пойду, сиди, — сказал Саня, — а то он отрежет тебе голову.

— А тебе? — спросил Валя.

— Я не дамся, я большой.

Однако на арену они пошли вместе. Кроме того, выбежали ещё четырнадцать мальчиков и одна старушка. Но Саня с Валей были первые, и все остальные ушли обратно.

— Вы хотейль обязательно два помощника? — сказал доктор. — Как вас звалъ, мальчик?

— Саня и Валя.

— Ну хорошо, Саня и Валя, ви будет держаль вдвоём эта одна волшебная палочка.

Он протянул им маленькую чёрную палочку, и Саня с Валей взяли её в руки.

— Вот у меня в руках один большой пила, — сказал доктор.
— Взмахните палочка и скажите: “Айн, цвай, драй!”

— Айн, цвай, драй! — сказали мальчики, и пила исчезла.

Публика стала аплодировать.

*Вместо бутылки
появилась живая курица*

— Вот теперь в мой рука этот бутылка. Я накрывайль её чёрным платком. Скажите: “Айн, цвай, драй!”

Мальчики сказали, и вместо бутылки появилась живая курица. Доктор накрыл её платком — айн, цвай, драй, — и вместо курицы появилась шляпа, потом вместо шляпы — графин с водой. Доктор взял графин и поставил на стул рядом с ящиком, в котором лежала голова помощницы.

Саня незаметно постарался подвинуться к стулу, чтобы посмотреть графин, а заодно уж и ящик. Он уже притронулся к

графину, но тут увидел в ящике голову помощницы доктора.

— Мальчик, не трогай, ты разобьёшь графин, — строго сказала голова помощницы доктора.

Саня, смущённый, отскочил в сторону.

— Ну, дорогой помощник, теперь давайль уходиль на место, — сказал доктор. — Только палочка отдавайль мне. Она мне очшень нужен. В эта палочка — самый главный волшебств всех фокус.

Саня и Валя отдали палочку и убежали на места.

На арену опять притащили вторую половину ящика, приставили к той, что на стуле. В том месте, где отпилено, доктор помазал гуммиарабиком и взмахнул палочкой. Из ящика вышла помощница и начала убирать приборы на арене.

Доктор проделал ещё несколько мелочей: проглотил четырёх змей и один подсвечник, сделал курицу чернильницей,

взял у публики четыре кольца, а затем вытащил их из кармана у пожарника.

— Больше пожарник никогда не пойдёт на представление, — сказал Валя. — Он ведь не хотел взять кольца.

— Ну, мало ли — не хотел, — сказал Саня. — А мог так и уйти, незаметно, с кольцами.

На этом представление окончилось. Люди выходили из цирка толпой, и Саня с Валей смотрели в лица выходящих, чтобы увидеть на них необыкновенное удивление. Но никакого удивления на них не было. Все, наверно, притворялись и пытались придать лицу самое обыкновенное выражение. Некоторые даже говорили:

— Ну что ж, курица, курица... Подумаешь тоже.

— У нас вон одна курица четыре яйца сразу снесла, — сказал какой-то мужчина зевнув.

— А голову вы бы могли отрезать? — строго спросил его Валя.

— Голову? Да, а чего ж? Конечно, смог бы.

— Отрезать-то смог бы, а вот обратно поставить... — сказал Саня.

— Обратно действительно не пробовал. Но если попробовать?...

Обиженные Саня с Валей ушли. Дома тоже все делали равнодушный вид, когда они рассказывали о представлении. Наверно, все злились, что не были в цирке.

— Он змей глотал! — сказал Саня.

— Бывает, и лягушек едят, — строго сказал папа. — Всё дело привычки. А может быть, и голодный желудок — чего не съешь.

— Ну, а подсвечник?

— И подсвечник тоже. Практика нужна. Опыт. Ложись спать.

Запершись один в комнате, Саня стал думать о том, как ему стать иллюзионистом. Все говорят о практике — значит, и он может долгой практикой научиться глотать подсвечники?

Начать сразу с подсвечника он не решился, но для начала попробовал съесть коробку спичек. Они не елись, и ничего не вышло.

Саня лёг спать.

Ночью он долго обижался за доктора и всё представлял, что он сам Каррабелиус. Сначала он пустил в зал всех извозчиков. Потом отрезал всей публике головы и не хотел их приклеивать обратно. Его долго все просили и извинялись перед ним, тогда он наконец приклеил головы обратно и, поднявшись в воздух и покрутившись ещё над изумлёнными зрителями, улетел.

Под утро он увидел, что отец ёщё не спит, у него горит свет, и Саня сразу всё понял. Он подошёл к двери и сказал:

— Это нехорошо. Я знаю: ты мне говоришь “спи”, а сам хочешь научиться есть подсвечники.

— Пошёл спать! — закричал на него отец, очень рассердившись, что его разоблачил Саня.

А утром Саня и Валя уже ходили по улицам и строили всякие планы: как стать вроде Каррабелиуса. И даже лучше. Вот если бы им волшебную палочку!..

— Чего бы мы только на месте доктора не сделали! — сказал Саня.

— Ну, а чего, например? — спросил Валя.

— Ну вот: зашли бы в кондитерскую. Сказали бы “Айн, цвай, драй!” — и все пирожные очутились бы в этом чемодане.

— А продавец бы за нами?

— А мы бы ему отрезали голову.

— Из-за пирожного не стоит... И потом, нужно сначала класть продавца в ящик.

— А мы превратили бы его в курицу.

— Нет, наверно, доктор Каррабелиус не всё может, — сказал Валя. — Пирожные вряд ли может.

— Нет может, и лимонад может!

Так, споря, они сели в автобус, чтобы отправиться к реке купаться. И здесь, в автобусе, они вдруг увидели доктора Каррабелиуса.

Доктор о чём-то думал и был очень рассеян. Ребята умолкли и со страхом смотрели на иллюзиониста. Что же касается публики, то она делала вид, что не обращает на него ровно никакого внимания.

— Вы мне наступили на ногу. Надо осторожнее! — сказал какой-то толстый мужчина доктору Каррабелиусу.

Ребята замерли.

— Сейчас он отрежет ему голову, — шепнул Валя.

Однако доктор просто извинился и, пробравшись к выходу, сошёл на остановке. Ребята спрыгнули за ним. Доктор шёл, по-прежнему задумавшись и ёжась, как будто ему было холодно. Он зашёл в продовольственный магазин и вышел оттуда с каким-то свёртком. Ребята продолжали шагать за ним.

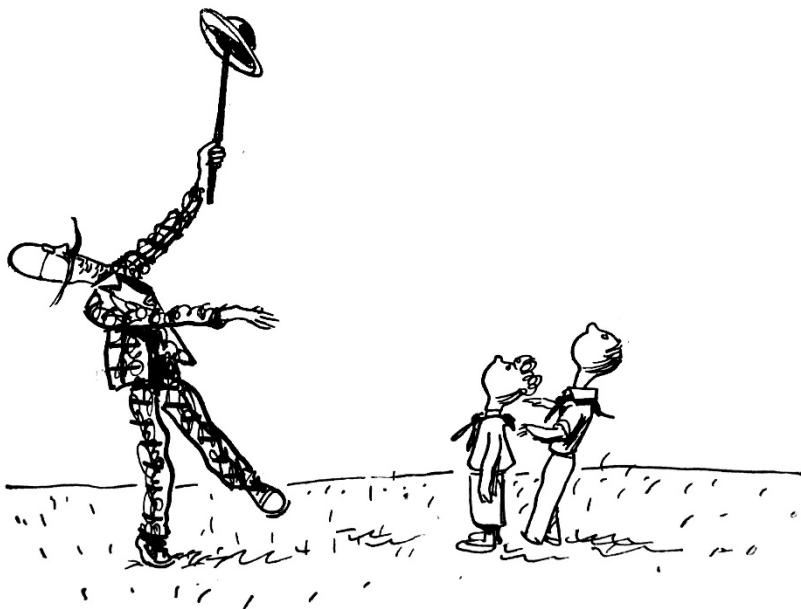
Так они вышли в поле. Здесь доктор снял шляпу и, посадив её на палочку, принялся вертеть её в воздухе.

— Волшебная палочка! — узнал Саня.

Тут доктор принялся петь песню, размахивать руками и вдруг остановился и закричал петухом.

Это ребят озадачило. Они остановились было, но доктор обернулся и увидел ребят. Он удивлённо посмотрел на них, потом закрыл один глаз, открыл другой ещё шире и заблеял:

— Ме-е-е!

Доктор снял шляпу и, посадив ее на палочку, принялся вертеть ее в воздухе.

Это было так неожиданно, что ребята засмеялись. Доктор тоже улыбнулся и поманил их к себе пальцем. Саня храбро приблизился к нему и сказал:

— Мы знаем, кто вы. Вы — доктор Каррабелиус, профессор индийской магии.

— Прафильно, — сказал доктор. — Я тоже знай, кто ви. Ви членъ Лондонскаго королевскаго географическаго общества, мистер Клеб и леди Бубби.

— Нет, — сказал Саня.

— Нет? Простите! Значит, я ошибайся. Я часто ошибайся. Я очшень близорукий и рассеянный человек... В таком случае ви, наверно, испанские тореадоры...

— Нет, мы Саня и Валя! Те мальчики, которые держали палочку...

— Ах, те Саня и Валя! Я очшень большой приятно. Ви извиняйль меня — у меня во весь мир такой много знакомий, что я путай и не узнавай... Так ви те Саня и Валя! Ви идёте купаться? Я тоже, очшень рад. Очшень!

Они зашагали вместе. Ребята исподтишка оглядывали доктора.

— Скажите, пожалуйста, — решился наконец спросить Саня. — Вы всё можете?

— Да-а, конечно, — сказал доктор, нахмурив брови. — Всё.

— И пирожные?... — осмелился спросить Валя.

— Да, конечно, пирожные тоже. Вот, например, смотрийль. Айн, цвай, драй...

Доктор взмахнул палочкой и вынул из-за уха Вали пирожное. Он преподнёс его ребятам. Потом из-за пазухи Сани достал кусок ветчины и конфеты. Все стали есть, зашагав дальше.

— Ну, а ви что можете? — спросил доктор.

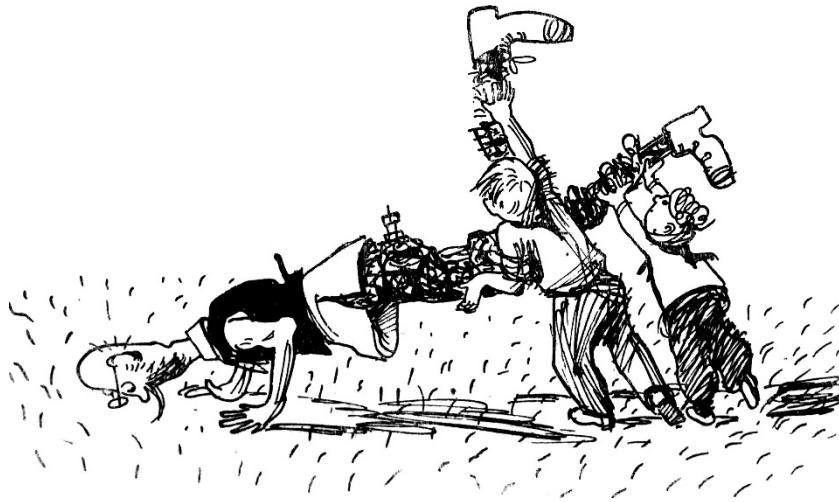
Ребята задумались.

— Мы можем перевёртываться через голову, — сказал Саня.

— Через голова? Ой, это очшень интересно. Ви обязательно должны показайль.

Саня разбежался и перевернулся на траве через голову. Валя же принял ходить на руках. Доктор был так доволен, что чуть было не лопнул от смеха.

— Ой, это очшень, очшень замечательно! Я попробуй теперь это сделайль тоже.

Ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.

Он снял пиджак и опустился на четвереньки. Попробовал стать на голову, но перевернулся на бок и у него лопнули подтяжки. Доктор попробовал ещё раз, но у него не выходило.

Тогда ребята стали помогать иллюзионисту, держа его за ноги.

Так, кувыркаясь, они весело пришли к реке.

Доктор разделся и остался голым. Тут ребята удивились, до чего у голого доктора Карабелиуса длинная, худая и смешная фигура. Он был тощ, как жердь, сутуловат и весь в рыжих пятнах, точно жирафа.

Подойдя к реке, профессор индийской магии осторожно попробовал ногой воду.

— Ой, я боялся, вода очшень холодный, — сказал он. — Я совсем не умей плавайль, как мой сапог.

— Нужно прыгать сразу! — сказали ему ребята и начали друг за другом прыгать с берега и нырять.

Доктор был очень доволен и гоготал, как гусь.

— Ой, хорошо ныряйль! — кричал он, хлопая себя по коленкам. — Я не умейль, к сожалению, я не умейль так делать...

Тут ребята ещё больше удивились: почему такой таинственный человек, который всё на свете может, не умеет делать таких простых вещей, как ходить на руках, нырять и даже плавать. Тогда иллюзионист сказал, что он очень много думает, у него слишком тяжёлая голова, и поэтому он в воде перевёртывается вверх ногами.

Тело доктора осталось внизу, а из воды торчали его ноги.

Он попытался нырнуть, и вдруг ребята действительно увидали, что тело доктора осталось внизу, а из воды торчали две его длинные и волосатые ноги. Ребята помогли доктору перевернуться. Он окунулся ещё раз — опять голова осталась под водой, а ноги торчали кверху.

Ничего не выходило.

Тогда профессор магии вылез из реки и начал одеваться.

— Скажите, доктор, — спросил наконец Саня, — вы всё-всё можете? Почему вы не заберёте себе всё, что хотите? Эх вы,

доктор! Вот я бы на вашем месте, например, с такой публикой знаете что сделал?... Отрезал бы всем им голову, вот что!..

Тут доктор нахмурился и поднял руку с кальсонами вверх.

— Дорогой мистер Саня и мистер Валя! — сказал он строго. — Знайль, что доктор Каррабелиус, как и всякий приличный маг, имей волшебный сила не для злой, плохой и всякий хулиганский поступок. Ауф видерзеэн! Вот вам два контрмарка.

Он положил на землю контрмарки, оделся и ушёл.

Ребята долго смотрели ему вслед, и, когда волшебник совсем скрылся из виду, они перевели взгляд на свои одежды. Вдруг они увидели валявшуюся на песке палочку.

— Он забыл волшебную палочку! — воскликнул Саня и схватил палку.

Да, это та самая чёрная палочка, которую они держали на арене. Значит, теперь у них в руках вся огромная сила, которая находится в палочке! Первое время у ребят сперло дух от волнения.

— Ура! — закричал Саня и перевернулся через голову. — Теперь мы всё можем! Я выпрямлю себе прежде всего отметки по математике!

Они быстро начали одеваться. Валя во что бы то ни стало хотел немедленно попробовать действие палочки.

— Отстань! Ну что же мы можем сейчас здесь сделать?

Валя осмотрелся по сторонам и увидел на другой стороне коров:

— Ну давай корову превратим в курицу.

— До города не надо. Не приставай! Палочка — моя.

— Почему твоя, а не моя?

— Палочка у меня в руках, — сказал Саня. — Если ты будешь ещё приставать, я тебя самого сейчас сделаю коровой!

— Давай корову превратим в курицу!

Он взмахнул палочкой. Валя испугался и замолчал; ему не хотелось быть коровой.

В городе, на одном из перекрёстков, они наконец остановились.

— Ну, на чём бы нам попробовать? — зашептал Саня. — Вон видишь того дворника? Пусть он станцует что-нибудь...

— Нет, лучше давай возьмём пирожных. Хотя бы парочку, — сказал Валя.

Саня уже взмахнул палочкой, но остановился.

— А как ты думаешь, хорошо пионерам брать пирожные волшебным способом? — спросил он.

— Нет, — согласился Валя, — это воровство.

— Слушай, а тогда мы вот что: скажем “айн, цвай, драй” — и вместо пирожных там появятся деньги. Всё будет честно.

— А почему ты знаешь, сколько нужно положить денег?

— Сбегай узнай, почём пирожные.

Валя побежал через дорогу в кондитерскую, узнал цену и вернулся.

— По восемьдесят копеек и какие хочешь! — сказал он запыхавшись.

— Ну, есть. Держи кепку. Итак, два пирожных наполеон.

— Трубочку, — шепнул Валя.

— Одно — наполеон, другое — трубочку, за рубль шестьдесят копеек... Айн, цвай...

Ребята зажмурили глаза и присели.

— А вдруг не будет? — спросил Саня.

— Да, может быть, палочка тут вовсе ни при чём, а всё — фокусы?

— Вот что. Давай лучше подождём. Завтра посмотрим, как он будет делать сеанс без палочки. Контрамарки-то у тебя?

Так они и решили. Палочку Саня принёс домой и тихонько спрятал в кладовой за сундуком. Он лёг спать раньше обычного, но никак не мог заснуть и всё время ворочался. Он прислушивался: не взял бы кто-нибудь палочку.

Что-то зашуршало в кладовой. Саня вскочил с постели и пошёл смотреть. Это была кошка.

“А что, если кошка возьмёт палочку? И захочет чего-нибудь себе такого? Хотя, правда, она не может сказать “айн, цвай, драй”.

Но самому Сане не терпелось. Он несколько раз подходил к кладовой и наконец достал палочку.

“Попробую на кошке, — решил он и, достав платок, накрыл им кошку и взмахнул палочкой: — Айн, цвай, драй!”

Он снял платок — под ним сидели сразу три кошки. Саня удивился:

“Да ведь я ничего не сказал! Пусть сейчас будет будильник... Айн, цвай, драй!”

Он откинул платок — вместо кошек там лежали дамские ручные часики.

“Это потому, что я говорю шёпотом”.

Он сказал “айн, цвай, драй” погромче (хотя бы карманные часы!) и откинулся на спинку кресла: там сидела крыса и ела пирог с маком. Саня испугался, бросился в комнату и проснулся. Было утро.

Саня пробрался в кладовую. Палочка была на месте.

Вечером Саня с Валей пришли в цирк.

... Доктор Каррабелиус вошёл бледный и очень рассеянный. В руках у него была другая палочка — белая и поменьше прежней. Она была, конечно, хуже, и поэтому сразу началась какая-то путаница.

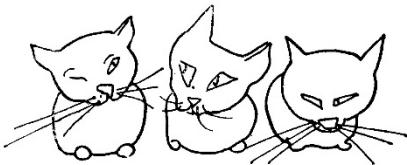
Сначала у публики взяли десять предметов, а стали отдавать — оказалось четырнадцать.

Ящик с женщиной распилили. Когда же стали составлять — голова не приклеилась, а женщина вышла из ящика без головы. Доктор этого не заметил, а женщина тоже не заметила, что она без головы, и начала убирать приборы. Тогда публика стала кричать, и доктор поспешил вернуть женщину в ящик и опять приставил к ней верхнюю часть.

— Айн, цвай, драй! — сказал он и махнул палочкой.

Женщина вышла.

— Не та голова! — закричала публика.

Он снял платок — под ним сидели сразу три кошки.

Женщина вышла. — Не та голова! — закричала публика.

Доктор взглянул — голова у женщины была с усами, с седой бородой клинышком.

— Что за история! — развёл руками доктор. — Я не знай, откуда взялась эта голова. Чей это голова?

— Это моя голова! — закричал какой-то мужчина в публике. Он встал. Действительно, на нём была голова помощницы доктора.

— Тут произошёйль какой-то путаница! — сказал доктор.
— Ничего, мы сейчас разберёмся. Не нужно волновайсь, граждане. Пожалуйть, гражданин, на минутка в контора. Ви будете получайль свой голова обратно.

Публика много смеялась, а доктор увёл помощницу и мужчину за кулисы.

— Видишь, эта палочка гораздо хуже, — сказал Саня Валя.

На другой день доктор не выступал, на второй и третий тоже. А на четвёртый в городе появилось объявление, что доктор Карабелиус заболел и выступать не может. Саня и Валя три дня сидели дома, а потом встретились на улице.

— Он не заболел. Всё дело тут в палочке, — сказал Саня.

— Ах, как нехорошо, что мы взяли эту палочку! — сказал Валя. — Что же он теперь будет без неё делать?

— Я думал о том же, — сознался Саня. — Я не хотел и трогать палочку все эти дни...

И им стало очень жаль доктора Карабелиуса: ведь он теперь сидел дома и ничего не мог сделать. Он был очень неловкий и даже не умел нырять в воду.

Начали они думать, как бы вернуть доктору палочку. А тут весь пионерский отряд, в котором они состояли, тоже заговорил о болезни иллюзиониста, который всем ребятам так нравился. Всем было жалко доктора Карабелиуса.

Тогда Саня и Валя решились пойти к доктору и рассказать всё прямо.

Они пришли в цирк и отправились за кулисы. За кулисами они увидели деревянную лестницу. Они поднялись по ней и очутились в каком-то грязном, тёмном коридоре. Они толкнули

первую дверь, и оттуда высунулась голова в синем колпаке; одна половина лица у неё была синяя, а другая — жёлтая.

— Где тут живёт доктор Каррабелиус? — спросили ребята.

— Гав-гав-гав! Вторая дверь налево! Карамбам-бам! — закричала голова и показала язык.

Ребята удивились. Потом они постучали во вторую дверь налево и вошли.

Тёмная комната вся сплошь была заставлена такими странными предметами, что ребята сначала даже испугались. Тут стояли ящики на колёсах, восковые фигуры, цилиндры, детская коляска, ведро и множество других предметов. Часы были похожи на барабан, стол висел на верёвочке, и к нему был приделан чемодан. На столе стояла стеклянная банка, и в ней лежал сапог.

Доктор Каррабелиус сидел посреди всего этого в кресле. Он был не во фраке, а в трёх пальто и одном пледе. Кроме того, на нём были повязаны два клетчатых шарфа. Волосы доктора были всклокочены. Он пил пиво из огромной кружки и смотрел куда-то сквозь ребят.

— Здравствуйте! — сказал Саня. — Вы нас узнаёте?

— О!.. Здравствуйте. Ещё бы! — сказал доктор обрадованно. — Вы племянники абиссинского негуса Бубби и Кубби.

— Нет.

— Вы певицы венской оперы? Нет? Я очень часто ошибаюсь.

— Нет, мы Саня и Валя.

— Ах, Саня и Валя, которые умеиль ныряйль! Как я очшень большой рад! Садитесь, пожалуйста, на диван.

Ребята хотели сесть на диван, но он вдруг разъехался на две части.

— Щыц! Назад! — сказал доктор дивану, и тот опять съехался.

— Он больше не будет, садитесь.

Ребята сели, но тут из-за угла выкатилось кресло на середину комнаты и сказало человеческим голосом:

— Эне-бене, ки-ка-пу...

— Штен, нихт шпрехен! — прикрикнул на него доктор, и оно ушло назад.

— Ну, что ви скажейт мне хорошего, мои милые друзья?

— Доктор, — сказал Саня. — Мы очень хотели бы быть иллюзионистами.

— Иллюзионист?! — удивился доктор, потом засмеялся и откинулся на спинку кресла. — Иллюзионист? — повторил он ещё раз и покачал головой. — Ах, милый, милый дети! Ви не знайт, что такое иллюзионист. Есть маленький сказка о человек, который выдумал себе волшебное царство и жил в нём. “Как прекрасно, даже сердце замирайт”, — думал он... А потом вдруг посмотрейль и видит — всё это ненастоящий, глупый; стен — ненастоящий, диван — фальшивый, солнце — картонный, смех — чужой. Да, да, дети, даже слёз — ненастоящий... Много уж мне год, и я не плакайль, и у меня нет на свете ни один друг. Вот один друг... И он... он тоже плакал ненастоящий...

Тут доктор взял восковую фигуру, надавил на ней кнопку, и фигура заплакала.

— Вот, милый дети... В конец жизнь этот человек посмотрейль и видит, что есть иллюзия, а настоящий жизнь не умеет. Смотрите: у него на окне стакан замёрз вода, на тарелка — большой пыль. И он не умеет ныряйль... Нет, дети, не надо быть иллюзионист. Лучше давайт я вас угостил яичница.

Доктор встал, зажёг спиртовку и, взяв с полки цилиндр, начал бросать в него яйца, одно за другим.

— У меня нет сковородка. Ну ничего, мы будем жарить яичница в эта шляпа.

Он разбил яйца и помешал их в шляпе, а потом посмотрел в неё — оказывается, шляпа была пустая.

— Ну вот, — развёл доктор руками. — Даже мой предмет больше меня не слушайся. Я не могу вас угостить яичница...

— Доктор, — начал Саня, — нам очень всё-таки хотелось бы делать всё, как вы...

— Дорогой дети, — прервал его доктор. — Я был весь свет. Я ездил Испань, Африка, Португаль и такой маленький стран, который вы ещё не знайт. Я видел столько человек, сколько у вас нет волос на голове... Я знал сотни наездник, фокусник, эквилибрис, гипнотизёр, велосипедис, прыжок в сетка, прыжок без сетка, бой быков, укротитель львов, дрессировщик ящериц — и все они ходийль с понуренным голова... Я был на родине, и мне не биль кушаль, а на меня смотрейль хмуро и злой... Я приехал ваша замечательная страна, и меня люди смотрейль, что делает глупость. Он делает иллюзиографин, когда нужен настоящий графин. Ваша страна нужен много хороший настоящий вещь, настоящий фабрик, настоящий парк... Вы должны мечтайль быть не иллюзионист, а лётчик, учёный, капитан...

— Неправда! — закричали тут ребята в один голос. — Мы знаем, почему вы не выступаете. Вы потеряли палочку!

— Палочка? — удивился доктор. — Какой такой палочка?

Саня тут вытащил из-за пазухи завёрнутую в бумагу волшебную палочку.

Ребята наперебой начали рассказывать доктору всё-всё: и как они взяли палочку, и как его жалели, и как все их товарищи жалеют доктора.

Тогда доктор схватил вдруг ребят и крепко прижал к себе.

— Дети! — сказал он. — Дорогой дети! Я был неправ. Я теперь знайль, для кого работ иллюзионист нужен. Смотрите на мои глаза: вот первый настоящий слёз за сорок лет жизнь иллюзионист... Ну, а теперь возьмите палочка! Отвернулся и сказайль: “Айн, цвай, драй”.

Ребята отвернулись, взмахнули палочкой и, сказав “айн, цвай, драй”, повернулись обратно. Доктор стоял во фраке. Он весело хлопнул в ладоши — появилась его помощница.

— Я совсем вовсе теперь здоровый! — сказал доктор. — Пошёль делать объявляйль, что я работайль, потому что палочка нашёлся.

И на другой день по городу были расклеены афиши:

«ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА НАШЛАСЬ!

*Доктор Каррабелиус возобновил работу и устраивает
большое представление для пионеров и всех ребят города.*

Волшебная палочка нашлась!!!»

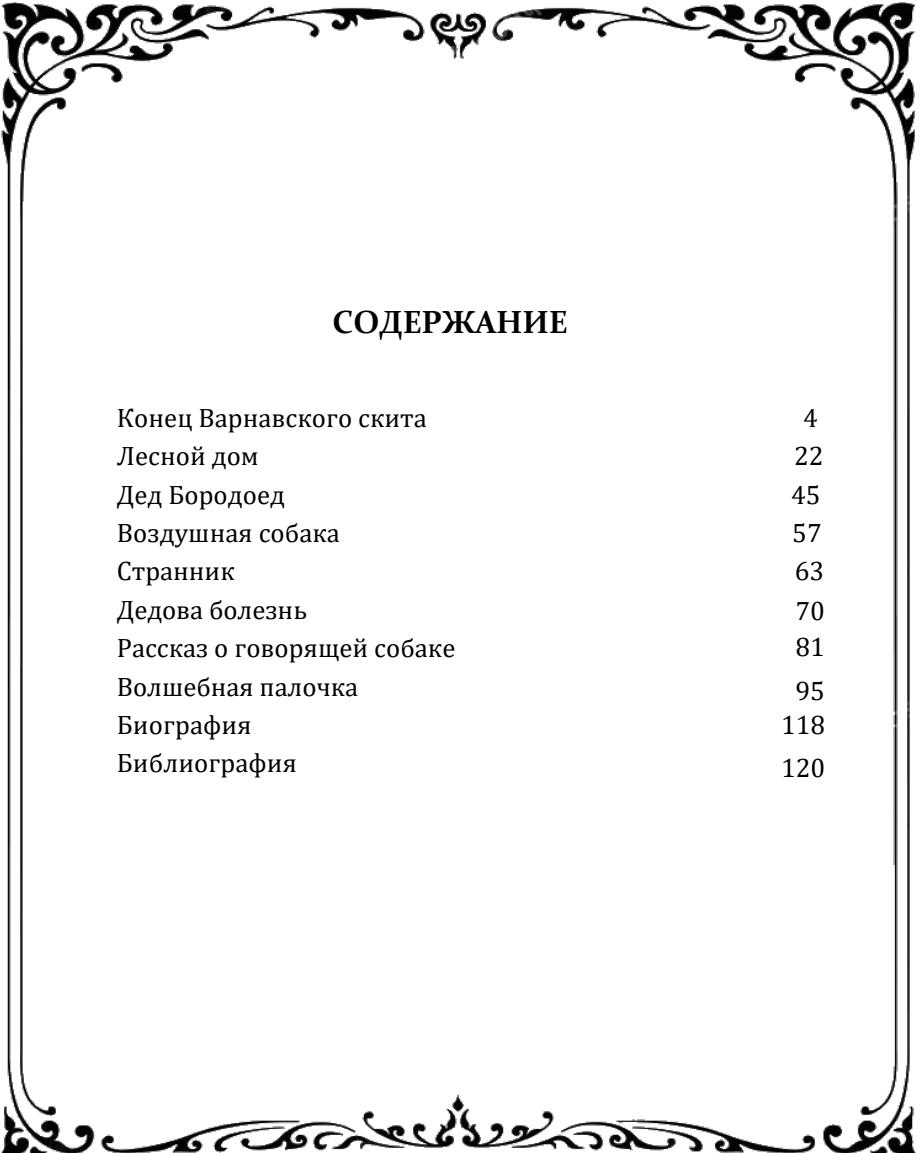
ЛОСКУТОВ
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ
(1906 - 1940)

Рус. сов. писатель. Печататься начал в 1922. Ранние очерки и фельетоны Л., посвященные борьбе с мещанством, вошли в сб-ки "Конец мещанского переулка" (1928), "Золотая пустота" (1929, совм. с С. Урнисом), "Отвоеванное у водки" (1929). С 1930 Л. работал в среднеазиатской радиогазете (Ташкент), много путешествовал по краю, овладел туркм. и узб. языками. Серия рассказов-очерков "Тринадцатый караван. Записки о пустыне Кара-Кум" (1933) -- своего рода худож. энциклопедия пустыни. Летом 1933 Л. как корр. журн. "Наши достижения" и "Вечерней Красной газеты" принимал участие в Каракумском автопробеге, после чего опубл. кн. "Рассказы о дорогах" (1935). Отталкиваясь от привычных беллетристич. форм, он создал книги, всем своим строем созвучные эпохе великих преобразований, к-рую они отражали; в них слиты воедино исследовательское и художественное начала, деловитый репортаж и романтическая приподнятость стиля, отрывистая очерковая манера и целостное ощущение времени. Образы Л. неожиданны и резки. Путешествия по Туркменистану дали ему материал и для рассказов ("Белый слон", "Черкез" и др.). Был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

ИСТОЧНИКОВАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В книге использованы рассказы из журналов
«Пионер» 1935г. и «Вокруг
света» 1928,1929(Красная газета)

Иллюстрации: И. Королёва, Икара, Н. А.
Коневского и Ю. Кискачи,

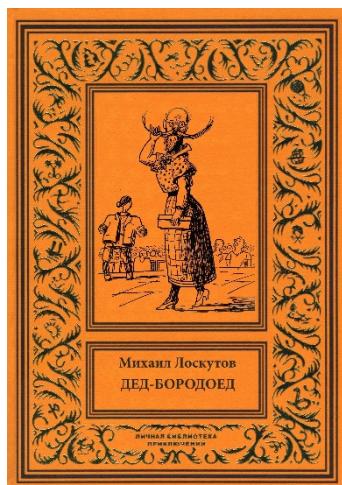
СОДЕРЖАНИЕ

Конец Варнавского скита	4
Лесной дом	22
Дед Бородоед	45
Воздушная собака	57
Странник	63
Дедова болезнь	70
Рассказ о говорящей собаке	81
Волшебная палочка	95
Биография	118
Библиография	120

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO